

ЭЛИЗАБЕТ ДЭЙ

18+

СОРОКА

Свидание со смертью

Элизабет Дэй

Сорока

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(41)

ББК 84(4Вел)-44

Дэй Э.

Сорока / Э. Дэй — «Издательство АСТ», 2021 — (Свидание со смертью)

ISBN 978-5-17-146314-4

Говорят, сороки – предвестники несчастий. Но Мариса отмахивается от суеверий, она слишком счастлива, и непрошеной гостье, залетевшей в их новый дом, не удастся ее напугать. Ведь Мариса и Джейк – идеальная пара. Они просто обязаны жить долго и счастливо. И поначалу все идет неплохо. Единственное, что омрачает их жизнь, – необходимость сдать комнату, чтобы быстрее расплатиться за дом. Но похоже, им удалось найти хорошую соседку – Кейт. По крайней мере так кажется. Однако неожиданно в доме становится слишком тесно для троих. Кому-то точно придется уйти... Ведь не зря говорят, что сороки – предвестники несчастий. И когда в твой дом залетела непрошенная гостья, не жди пощады. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.111-31(41)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-146314-4

© Дэй Э., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	12
3	17
4	24
5	27
6	33
7	40
8	43
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элизабет Дэй Сорока

© Elizabeth Day, 2021

© Зимин Ю., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Часть первая

1

Дом оказался идеальным. Ну, не совсем идеальным, потому что таких домов не бывает, но, по крайней мере, со всеми его недостатками можно было мириться. Напольное покрытие, где-то оптом купленное застройщиком, оказалось слишком светлым, а доски ламината выглядели слишком гладкими, чтобы сойти за настоящее дерево. Пластиковые планки жалюзи покрыты тонким слоем пыли. Ванная комната, по чьему-то странному решению, располагалась на втором этаже, отдельная дверь вела оттуда на открытую террасу, обустроенную на крыше первого этажа. Мариса постояла там, ее сандалии отбрасывали тень на камни патио бисквитного цвета, и посмотрела на раскинувшийся внизу сад: лужайка обрамлена растениями в горшках, а почву совсем недавно обрабатывали. Она отметила необычную для Лондона тишину – удивительно, особенно если ты находишься рядом с крупной оживленной дорогой. Стоило ей только произнести это вслух, и риелтор сразу же согласно кивнула.

– Да, здесь очень спокойное место.

Именно это и стало решающим фактором. Детство Марисы было наполнено шумом. В ее воспоминаниях всегда сначала появлялся какой-то звук. Неумелые попытки отца играть на фортепиано. Хлопанье дверцы духовки и звон перегруженной посудомоечной машины. Повышенные голоса родителей во время ссор. Пронзительный кошачий визг новорожденной сестры. А потом, когда мать вместе с младенцем ушла, дом погрузился в тишину. И этому не было объяснения.

Перед уходом мать крепко обняла Марису и шепнула на ухо, что обязательно за ней вернется, как только «встанет на ноги». Мариса помнит, как смотрела на обувь матери и думала, что с ней что-то не так. Дешевые мокасины, на кроваво-красной коже которых блестела монетка. Однажды она попробовала выковырять монетку пухлыми пальчиками, но та оказалась слишком прочно приклеена. Глядя на обувь матери, Мариса пыталась сообразить, зачем же ей нужно время, чтобы встать на ноги, если та уже на них стоит. Она хотела знать причину отъезда. А еще больше ей хотелось узнать, что станет с ней самой и почему ее бросят. Тогда ей было семь.

Все те долгие и душные дни отец проходил в пижаме и тапочках, его щетина превратилась в лохматую бороду. В первые недели после ухода матери Мариса пыталась самостоятельно загружать посуду в посудомоечную машину так, как делала мать, ополаскивала тарелки и клала ножи рукояткой к себе. Спустя какое-то время она устала от домашних хлопот и оставляла грязную посуду в раковине. А потом ее отправили в школу-интернат, где были уже другие шумы, с которыми приходилось бороться.

Тогда она поняла, что этот дом является противоядием от любой суеты. Мариса осмотрела его онлайн, увеличив масштаб, чтобы разглядеть серую входную дверь и ступеньки. Кирпичи цвета жареного фундука. Дорога, по словам агентов по недвижимости, была «вся в зелени», а местная школа получила высшую оценку от управления по стандартам в области образования правительства Великобритании. Это очень важно, ведь Мариса собиралась забеременеть сразу после начала совместной жизни. Все согласно их плану. Вспомнив разговор с Джейком, она почувствовала нарастающее напряжение.

Джейк был ее защитой, опорой, скалой и якорем. Она описывала его всеми этими словами, но только не в его присутствии, Джейк не любил проявления эмоций. Это, в какой-то степени, и привлекло ее: всегда невозмутимый, решительный и бескомпромиссный. Свою любовь показывал не на словах, а на деле. Она знала, что Джейк не доверяет открытым проявлениям

чувств и вообще считает их неискренними. После детских переживаний, связанных с матерью, которая с переменным успехом использовала эмоции в качестве тяжелой артиллерии, сдержанное поведение Джейка вызвало у Марисы облегчение.

Когда она очутилась в этом доме, то сразу же почувствовала, что он подходит: наполненное солнцем святилище, совершенно пустое – идеально, чтобы обставить все на свой вкус.

Кухня расположена на первом этаже, перегородки формируют вытянутое пространство. Ореховый стол середины прошлого века, восемь стульев на тонких ножках и светильники с бледно-голубыми эмалевыми абажурами. Колоссальных размеров плита, похожая на стартовую площадку ракеты. Отполированный до металлического блеска холодильник со встроенной системой водоснабжения, производящей кубики льда, стоит только поставить стакан в специальную нишу. На белой стене видимо, висел черный огромный телевизор, но теперь его место пустовало, словно когда-то здесь размещалась только что проданная картина.

Риелтор сказала, что считает Марису подходящей хозяйкой такому дому. Эти слова вызвали улыбку.

– Подобные решения могут быть такими... – Мариса пыталась подобрать подходящее определение. – Интуитивными, верно?

– Интуитивными, – кивнула женщина. – Точно.

И открыла стеклянные двери в сад, сложив их так, будто они были из бумаги, как вдруг – в помещение влетела птица. Пролетела настолько стремительно, что ни у кого не было шанса ее остановить.

Риелтор присела, закрыв голову руками. Мариса поморщилась. Она ненавидела птиц. Взмахи крыльев, острые клювы. Маленькие неподвижные мертвые глаза.

Сорока. Черно-белая, с маслянистыми фиолетовыми переливам на перьях. Птица, очутившись в западне, запаниковала. Она была достаточно крупная, размером почти с ворону. Сорока забилась в угол, подальше от людей.

– Кыш! – крикнула риелтор, махая руками, чтобы прогнать гостью. – Кыш!

– Я не думаю... – начала Мариса. Она хотела сказать, что неразумно пугать сороку, но птица взлетела раньше, чем можно было вымолвить хоть слово. Кончиком сильного крыла задела маленькую причудливо расписанную вазу, стоявшую на книжной полке. Ваза качнулась и упала, разбившись на множество мелких осколков, разлетевшихся вдоль плинтуса.

Птица, словно освободившись от какого-то заклинания, наконец-то заметила выход и выпорхнула из открытых дверей, пролетев так близко к лицу Марисы, что она почувствовала мимолетное прикосновение крыла. От него пахло мхом и болотом. На мгновение Марисе показалось, что сорока, пролетая мимо, специально пощекотала ей щеку.

– Вот и катись отсюда! – крикнула риелтор ей вдогонку и плотно закрыла двери. Они шумно защелкнулись, и отдаленный гул уличного транспорта сразу же исчез. Мариса очутилась в пузыре из стекла и бетона, а ярость и перья остались снаружи. Воцарилось неестественное спокойствие.

– Надеюсь, что это вас не расстроило, – извинилась риелтор.

– Нет, – с улыбкой ответила Мариса. – Но вазу все-таки жаль.

Женщина беспечно махнула рукой.

– Всякое бывает.

Они тепло пожали друг другу руки, и Мариса сообщила, что подумает и перезвонит.

Думать, честно говоря, было и не нужно. Джейк с радостью предоставил ей право выбора. Место их жительства совершенно его не волновало. Он просто хотел сделать ее счастливой, главное, чтобы там было достаточно места для семьи. Остальное он считал женской компетенцией, и хотя Марису должно было возмутить подобное консервативное решение о разделении ответственности, она сделала вывод, что дети и дом – ее сфера интересов, а зарабатывание денег и поддержка семьи – его, и эта мысль пришла ей по душе.

На улице она достала телефон и написала ему сообщение.

«Посмотрела дом. Понравился. Подходит»

Сердечки добавлять не стала. Это не в их стиле.

Она не ждала моментального ответа, ведь он весь день должен провести на совещаниях.

«Я с тобой», – заверил Джейк и предупредил, что, возможно, задержится.

Джейк работал в консалтинговой фирме. Мариса не знала, чем именно он там занимается, кроме того, что делает все необходимое, чтобы компании работали более слаженно и эффективно, поэтому у него было много поездок по не самым интересным местам. Недавно он несколько недель провел в Ноттингеме, улаживая дела фармацевтической компании.

«Удивительно добротные мебельные магазины», – вот и все, что он сказал.

«Как книги?» – спрашивал Джейк, и она рассказывала о полученных на этой неделе заказах от любящих родителей, тетюшек или крестных, которые хотели получить персонализированные сборники сказок для детей. Им предлагалось семь историй на выбор: о спящей красавице, принце убийце драконов, бесстрашном авантюристе, озорной обезьянке в джунглях, ну и так далее. Посетитель мог ввести имя ребенка, загрузить фотографию и выбрать некоторые определяющие характеристики, а Мариса иллюстрировала каждую книгу согласно этой информации.

Сайт назывался «Рассказываем сказки». Она запустила его в прошлом году, но он уже успел засветиться в некоторых крупных глянцевого журналах. Аккаунт Instagram мог похвастаться несколькими тысячами подписчиков и синей галочкой верификации. Марисе это нравилось, монотонная работа руками, не нужно слишком много думать, но все же достаточно простора для фантазии. Это не приносило большого дохода, несмотря на тщательно выверенные и отфильтрованные плитки фотографий в Instagram, вдобавок к этому количество заказов в последние месяцы снизилось, и она изо всех сил старалась накопить на оплату аренды. Поэтому так и ухватилась за предложение Джейка жить вместе. Ну и кроме того, она попросту в него влюбилась.

– Вау, Рис, где ты его нашла? – взвизгнула ее подруга Джас, когда Мариса впервые рассказала ей о Джейке.

– В интернете, – ответила Мариса. – Да знаю я, знаю! Даже и не говори мне, что это чудо.

Джас дольше была одиночкой, нежели Мариса. Долгие вечера они проводили за уютными бокалами вина на диване Марисы, сетуя на отсутствие порядочных мужчин, и обе получали огромное удовольствие от клишированной позы двух девушек «слегка за двадцать», пьющих вино и жалующихся на отсутствие кавалеров. Примерно в одно и то же время они зарегистрировались в приложениях для знакомств. Мариса привязала свои социальные сети к профилю и приступила к заполнению анкеты.

Списки любимых фильмов, музыки и еды. Бесконечные опросы для проверки совместимости в сферах любви, религии и сексуальных пристрастий («полиамория», «гендерфлюид» или «сапиосексуал» – Марисе даже пришлось погуглить значение некоторых слов), желания быть в роли содержанки или более романтическое – отправиться в поход на природу или сорваться на ужин в Париж.

Все ответы обрабатывались каким-то таинственным алгоритмом, определявшим соответствие до доли процента: подходит ли тебе директор компании графического дизайна по имени Питер с девятилетним сыном, который для него самое важное в этой жизни, или же тебе нужен Вез, тренер по теннису из Кроули, находящийся в поисках женщины с теплым взглядом и сексуальной улыбкой.

Марису шокировал поток фотографий мужчин без рубашек, с мотоциклами и немецкими овчарками. Некоторые писали о своем росте в метр восемьдесят, но на деле там едва ли набирался метр пятьдесят. Кое-кто делал селфи в зеркале гостиничного номера так, что вспышка осветила грязные стены, словно из фильмов ужасов. Марису совершенно не впечатлил Кевин:

тот позировал с маленькой девочкой с плюшевым мишкой в руках, а фото подписал «Это моя племянница», хотя у него даже была ссылка на его музыкальные треки в Spotify. Среди них нашлась и известная британская рок-группа, впрочем, как и у всех остальных. Мариса все равно написала ему, и они пошли на свидание, закончившееся полным разочарованием. Оно вышло не ужасным, а именно посредственным, что еще хуже.

Но она все равно написала и поблагодарила за встречу, наблюдая за тем, как серая галочка WhatsApp удвоится и окрасится в синий, свет от экрана телефона ослепил ее, и она осознала, что просто смотрит на него и ждет. Он прочитал сообщение. Мариса продолжала смотреть на телефон, высматривая появление надписи «печатает...» – многоточия, свидетельствующего о серьезных намерениях. Три точки, предполагающие продолжение и открытые концовки. Но – ничего.

После Кевина она сообщила Джас, что навсегда отказывается от приложений для знакомств.

– Детка, я сочувствую тебе, – сказала Джас и поморщилась, выслушивая рассказ о том вечере.

– Да они считают меня типа странной... или вообще того, ну что-то в этом роде, – пожаловалась Мариса. – Я прямо вижу это в их глазах.

– Ты слишком все драматизируешь. – Джас покрутила маленький бриллиант в мочке уха. – Я всегда говорю, что это все математика.

Джас прочитала в интернете статью о том, что в приложениях для знакомств женщин намного больше, чем мужчин, и часто ссылалась на этот факт.

– Все еще хуже, если ты черная, – добавила Джас. – Уж поверь мне. Меня редко свайпают вправо.

– Расисты, – ответила Мариса.

– Да, но все равно. – Лицо подруги оставалось серьезным, поэтому Мариса почувствовала себя неуютно. – Это везде так.

– Я написала Кевину.

– Снова? – Джас взглянула на нее.

На самом деле Мариса писала Кевину несколько раз. Сначала просто хотела, чтобы он объяснился, но потом рассердилась и обвинила в женоненавистничестве. Последним сообщением было: «Да и пошел ты». И он перестал читать сообщения. Галочки больше не окрашивались в синий цвет. Или он заблокировал ее. Такое раньше бывало.

Мариса кивнула и взяла у подруги бутылку, чтобы наполнить свой бокал.

– Я хотела все прояснить.

– Логично, – согласилась Джас.

Джейк с самого начала вел себя иначе. Во-первых, всегда отвечал на сообщения. Они познакомились на тематической вечеринке, организованной онлайн-агентством, на которое она подписалась из-за того, что их слоган обещал: «Мы найдем вам идеальную пару». Унылый маскарад закончился сильным опьянением Марисы. Она немного поболтала с ним возле барной стойки, и он настоял, чтобы она записала его номер.

На следующий день Мариса проснулась с тяжелой головой, но на телефоне уже было сообщение от Джейка. Они переписывались примерно две недели, и только потом он пригласил ее на свидание.

Джейк вместо выпивки или ужина предложил выпить чашечку кофе, и это ей очень понравилось. Значит, не будет никаких неловкостей и сомнений по поводу того, целоваться или нет. Это безопасно, увлекательно и просто: обычная встреча, чтобы выяснить, стоит ли продолжать общение.

Когда она пришла, Джейк уже сидел за столиком у окна, перед ним стояла чашка кофе с маленьким песочным печеньем-звездочкой на блюдце. Светло-русые волосы коротко подстри-

жены и аккуратно уложены гелем. Одежда свежесглаженная и неброская: серая футболка без надписей, брюки-чинос, темный ремень с пряжкой из вороненой латуни и часы с матовым серебряным ремешком.

Как только Мариса вошла в кафе, ее сразу же наполнило странное умиротворение, волнение полностью исчезло.

– Привет.

Она не знала, как поприветствовать его, поэтому протянула руку для рукопожатия, глядя прямо в глаза. Джейк не сдвинулся с места и не попытался чмокнуть в щеку, поэтому Мариса испытала облегчение, и, сохраняя уважительную дистанцию, заняла стул напротив.

От него пахло свежесстиранной одеждой. Никакого парфюма. Лицо простое: четкий подбородок и юношеские щеки. Добрые глаза. Едва заметная щетина песочного цвета. Внешность соответствовала возрасту, но еще можно было разглядеть то, каким ребенком он когда-то был. Под футболкой проступал рельеф мускулов, но они не бросались в глаза. Это мышцы человека, не одержимого спортивным залом, но мускулатура мужчины, на помощь которого можно рассчитывать, чтобы подтолкнуть машину с заглохшим двигателем.

В кафе Джейк без лишних слов взял все на себя. Спросил Марису, что она хочет заказать, а потом передал ее слова официантке, словно Мариса не могла сделать этого самостоятельно. Но ей понравилось. Она представила себе Джас, закатившую глаза из-за того, что Мариса не выразила праведного феминистского возмущения. Чай принесли в стеклянном чайничке на деревянном подносе с прямоугольным таймером.

– Не знаю, пили ли вы раньше наш чай, – сказала официантка. На крыле носа у нее сверкал крошечный золотой гвоздик. Мариса отрицательно покачала головой. – Хорошо. Вам необходимо выждать ровно три минуты, чтобы напиток настоялся и вы почувствовали богатство его вкуса. – Официантка перевернула таймер. Внутри начал пересыпаться блестящий черный песок.

– Вау, – удивился Джейк, как только сотрудница кафе оставила их наедине. – Это очень сложная чашка чая.

Мариса рассмеялась.

– Я больше люблю английский завтрак, – сообщил он.

– Понятно, – ответила она, но не слишком игриво.

Завязался легкий разговор, их беседа текла свободно, подобно песчинкам внутри таймера. Говорили о воспитании. Джейк рассказал, что он старший из четверых детей, трое из которых – сестры. Близок с матерью, вырос в Глостершире и «в душе все еще деревенский мальчик».

– Ты увлекаешься всеми этими деревенскими забавами?

Он рассмеялся.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то *говорил* «деревенские забавы» вне страниц викторианского романа. – Джейк серьезно посмотрел на нее. – Это очень странно.

Она покраснела.

– Ничего, это очаровательно. Нет, не совсем. Я охотился на фазанов, но охота на лис – это совершенно не для меня. Мне очень нравятся... лисы.

Джейк поймал ее взгляд, и у Марисы осталось четкое впечатление, что он хотел сказать что-то еще.

Разговор плавно перешел к детям. Непривычно было говорить о таких вещах на первом свидании, особенно учитывая их разницу в возрасте: Марисе двадцать восемь, а Джейк на одиннадцать лет старше.

– Но знаешь, я хочу играть в футбол со своими детьми, – признался он. – Я не хочу быть единственным отцом в школе, который всегда сидит в запасе.

– Ты не такой старый! – заметила Мариса.

– Что ж...

Джейк потянулся, положил одну руку на стол, а другую на спинку стула. У него была непринужденная манера наполнять собой пространство. Марисе нравилось наблюдать за ним.

Кафе начало наполняться гулом обеденной суеты: матери с колясками, бизнесмены в костюмах и девушки в очках и укороченных джинсах с ноутбуками в сумках. Джейку и Марисе приходилось повышать голоса, чтобы услышать друг друга сквозь грохот хромированных стульев и шипение кофе-машины.

– Я, честно говоря, всегда хотела детей, – начала Мариса. – Вроде бы я уже говорила, что моей маме был двадцать один год, когда родилась я и... – Мысль дрейфовала, она злилась на себя за то, что сказала нечто такое, чем не хотела бы делиться. Потом Мариса не могла вспомнить, что именно рассказала ему во время первой встречи, но она точно не хотела говорить слишком много. В голове возник образ красивой, но неопрятной женщины, чье платье под комбинезоном было расстегнуто так, чтобы в любой момент достать грудь и покормить крикливого младенца. Марисе пришлось силой воли изгнать это воспоминание и вернуться к разговору с Джейком. «Не суйся туда, – приказала она сама себе, – и не облажайся».

Она вздохнула, улыбнулась и покрутила чайную ложку.

– Я просто думаю, что было бы здорово: пара детей и собака... – произнесла эти слова, Мариса решила рискнуть. Она небрежно наклонилась вперед и коснулась его запястья. И почувствовала сгусток энергии, словно две молекулы столкнулись и образовали что-то новое.

Джейк выглядел удивленным. Она быстро убрала руку и продолжила говорить, будто ничего не случилось, хотя все это время подозревала – случилось.

Потом Джейк признается, что с того самого момента, как Мариса коснулась его руки, он уже знал – «она та самая». Фраза похожа на реплику из нарисованных ею сказок, но оказалась правдой.

2

Она переехала в дом, пока Джейк был на работе. Ей удалось справиться в одиночку. Свою студию она разместила в маленькой комнатке в задней части дома, откуда открывался прекрасный вид на сад. Простой арендатор использовал это помещение для импровизированного спортзала, и когда Мариса распаковала стол и краски, то заметила на дне шкафа круглый увесистый блин, явно отвалившийся от грифа штанги. Она решила использовать эту штуку в качестве дверного ограничителя.

Заказала в интернете коробки и упаковочную пленку. Лично запаковала все вещи, следя за тем, чтобы каждая любимая кружка была защищена от повреждений, а одежду развесила в специальных контейнерах, предоставленных компанией-перевозчиком. Джейк сказал не возиться так с посудой. «У нас есть все, что *нам* нужно», – отметил он, и она обрадовалась этому небрежно брошенному *нам*.

Они встречались чуть больше трех месяцев. Но разговоры о доме пошли на удивление легко, стоило им только затронуть эту тему. Она снимала маленькую квартирку, и быстро уговорила домовладельца разрешить ей съехать до окончания договора аренды, к тому же тот хотел повысить плату для нового жильца. Марисе показалось, что это знак свыше.

«Это твой шанс, – сообщил ей добродушный бородатый мужчина (потому что Бог в ее воображении являлся версией Деда Мороза, но более серьезной и без красного костюма), – ты заслужила его».

Джас вообще не заморачивалась. Подруга пришла на прощальный ужин в старую квартиру Марисы с пиццей, большой бутылкой джина и маленькой баночкой тоника.

– Все происходит очень быстро, – заявила Джас, неуверенно вытаскивая кусок пиццы, от которого тянулись сырны нити, похожие на слюну из гигантской челюсти. – Вы едва знаете друг друга.

Мариса почти ничего не ела, но снова наполнила свой стакан.

– Да, но получается, что люди, которые так говорили, оказались правы.

– Что говорили?

Она посмотрела на Джас с ее короткими крашеными волосами, блестящими глазами и татуировкой через всю ключицу, и вдруг почувствовала к ней что-то, чего никогда не испытывала прежде. Это была жалость.

– Когда встречаешь – все понимаешь.

После этой фразы они обе закатили бы глаза. Но для Марисы встреча с Джейком действительно все изменила. Она поняла, что их дружба с Джас подпитывалась разделяемой горечью – замаскированным под легкомысленный юмор обидным цинизмом, – и теперь, когда Мариса нашла себе человека, с которым хотела бы провести остаток жизни, у них с подругой осталось мало общего. Джас по-прежнему похожа на Реди Брек из старой рекламы, ест хлопья на завтрак и курит днями напролет, а вот Мариса теперь светится от переполнявшей ее любви.

Джас скептически взглянула на собеседницу, но заметив какие-то перемены в ее лице, вдруг улыбнулась.

– Девочка! Да у тебя все плохо!

Джас выросла в Луишеме, но часто использовала в своей речи американские словечки, словно пересмотрела рекламы девяностых.

Мариса допила остатки джина. Откинула волосы на оголенные плечи. Она почувствовала естественность и красоту этого движения. Чувствовала свою силу и уверенность.

– Думаю, да, – согласилась Мариса. – Ты будешь следующей.

Джас лишь пожала плечами.

– Меня это больше не волнует, – объяснила подруга. – Я поняла, что мне хорошо наедине с самой собой, меня устраивает собственная компания, мое личное пространство. Понимаешь? Зачем приглашать кого-то, кто может все нарушить?

Мариса не торопилась. Села на пол, скрестив ноги, взяла самый маленький кусочек с пепперони и принялась медленно жевать.

– Просто я... – начала говорить Джас, но медлила. – Ты сильно влюбляешься в людей. Запомни...

– Это другое, – отрезала Мариса. Встав слишком резко, она почувствовала головокружение, в глазах поплыло. Она взяла коробку с остатками пиццы и выбросила в мусорку.

– Эй, – запротестовала Джас. – Я еще не закончила!

– Неважно.

– Я просто забочусь о тебе, Рис.

Мариса отвернулась, чтобы помыть руки в раковине. Это была студия, кухня и гостиная фактически сливались в одно целое. Прохладная вода успокоила Марису, утихомирив ярость в груди, и она почувствовала себя так, словно душа начала расцветать. Когда она снова повернулась к подруге, то выглядела уже совершенно спокойной.

– Я понимаю. – Мариса поставила чайник. – И ценю это.

Вечер закончился раньше обычного, и когда она обняла Джас на прощание, то поняла, что их дружба не переживет следующую итерацию ее жизни. Со стороны подруги ощущалось безмолвное осуждение, и Марисе было очень неловко чувствовать на себе столь пристальное внимание, но в этом нет ничьей вины. Просто жизнь идет дальше. Люди меняются. У нее теперь есть Джейк. Дом. У нее будут дети. Семья и собственный дом.

* * *

Оформление студии подходило к концу. В качестве завершающего штриха Мариса повесила на стену два эскиза из первого издания «Рассказываем сказки». Оно было создано для мальчика по имени Габриэль, которого она отправила в рыцарский квест, с принцессами в розовых платьях, огнедышащими драконами и потайными пещерами.

Свои кисти она поместила в пустые баночки от варенья – для каждого набора своя банка, – а на полках расставила в ряд папки со списками заказов и выставленными счетами. Джейк подсказал ей, что дела можно перевести в электронный вид, и хотел показать на личном примере, но Мариса предпочитала хранить все в бумаге. Это был ее способ доказать самой себе, что она существует и оставляет осязаемый след.

В детстве Мариса всегда чувствовала себя ненужной, незаметной, словно дым, заполнявший все доступное пространство и искавший ближайший выход. У нее не было детских воспоминаний, только беспорядочный набор образов, как она заходит в комнату, и ее мать подпрыгивает, удивленная появлением своей собственной дочери.

– Я тебя совсем не заметила, дорогая! – такое вот оправдание. Всегда была слишком тихая, чтобы хоть кто-то заметил ее присутствие.

Младшая сестра, напротив, решительно и безоговорочно привлекала к себе внимание. Она плакала ночи напролет, поэтому Мариса привыкла к звуку шагов матери, спешившей к малышке, чтобы убаюкать ее нежными немелодичными песнями. По утрам Мариса с отцом сидели на кухне и обменивались понимающими взглядами, пока он готовил тосты с большими дырами в хлебе и замороженными кусками масла. Она постоянно опаздывала в школу и во всем винила сестру, сердилась на эту непрошеную гостью со злым красным лицом и детскими кулачками. Удивительно, как такой маленький человечек может создать такой хаос.

Мариса была очарована и напугана. Странно, что это инопланетное существо находилось в животе ее матери и затем вынырнуло в мир, лишь смутно напоминая человека, с этой своей

бледной полупрозрачной тонкой кожей. Крохотные пальцы младенца напоминали личинки, а глаза, казалось, подернуты мутной пеленой, похожей на яблочный сок. И все взрослые сходили с ума от этого крикливого малыша – без малейшего намека на личность, как подметила Мариса.

– Тебе нужно поменять подгузник, милаха? – ворковала мать, улыбаясь и поднимая ребенка, чтобы понюхать его зад, а потом, поморщив нос, добавляла: – Фу! Ну и запашок. Тебе нужен чистый подгузник, малышка, не так ли? Да, чистый подгузник. Это именно то, что тебе сейчас нужно.

Это продолжалось и продолжалось, а Мариса пряталась на диване, наблюдая за происходящим со смесью смущения и отвращения. Она не понимала, почему мать вообще разговаривает с ребенком, ведь тот даже не может ответить. Все это выглядело так, словно разыгрывалось какое-то представление для всех находящихся в комнате, будь то Мариса, отец или соседка, зашедшая к ним и выглянувшая из кухни.

– Какой ангелочек, – умилялась соседка. На вид ей далеко за пятьдесят, лично воспитала троих детей, поэтому ее обвисшая грудь могла в любой момент вывалиться на клетчатый фартук, который она, по всей видимости, вообще никогда не снимала. – Разве тебе не повезло быть старшей сестрой, Мариса? Ты должна гордиться этой крохой.

– Ага, – отвечала Мариса и возвращалась к чтению книги.

Однажды, когда малышке было несколько месяцев от роду и она погрузилась в дневной сон, Мариса провела эксперимент. Мать дремала на диване внизу, раскинув руки и ноги, домашняя юбка задрана на уровень бедра. Отец на работе. В доме царил тишина, если не считать размеренного тиканья старинных дедушкиных часов.

Детская кроватка стояла вплотную к стене, а над головой ребенка от любого дуновения ветра вращалась игрушечная карусель с подвесками в виде мячиков и слоников. Через приоткрытое окно в комнату просачивались лучи солнечного света.

Мариса опустила на колени, чтобы оказаться на одном уровне с сестрой. Глаза младенца закрыты, ноздри похожи на таинственные темные маленькие пещерки, которые едва заметно трепетали при каждом вдохе. Мариса всегда думала о малышке «она», но на самом деле сестру звали Анна. Если быстро произнести или пропеть их имена, конечные гласные сольются в один мелодичный звук.

Анна зашевелилась в своей кроватке. Начала медленно махать розовыми ручками и сжимать кулачки. Словно почувствовала, что за ней наблюдают. Мариса ждала. Она хотела, чтобы сестра полностью проснулась. Так нужно для эксперимента.

Глаза младенца распахнулись. Темно-синие, они уже потеряли свою прежнюю мутную пленку. Зрачки забегали из стороны в сторону, а потом взгляд сфокусировался на лице Марисы. Малышка улыбнулась, и на ее щечках появились ямочки.

Несколькими неделями ранее малышка лежала на руках у матери и выглядела из-за плеча. Она улыбнулась Марисе, о чем та радостно сообщила матери.

– Это не настоящая улыбка, – уверенно заявила мать. – Это из-за ветра.

Мариса, скрестив ноги, сидела на полу детской, чувствуя, как ворс коврового покрытия впивается в кожу, но она все еще не была уверена: настоящая ли это улыбка или снова из-за ветра. Она хотела посмотреть, похожа ли сестра на нее. Чувствует ли что-то. Она казалась такой чужой, с ее лысой головкой и крошечными ногтями, поэтому Мариса изо всех сил пыталась думать о сестре, как о реальном, живом человеке, хотя мать настаивала на том, что старшая сестра должна любить ее на уровне инстинкта.

– Теперь ты обязана помогать нам и присматривать за ней, – сообщила ей мать, вернувшись из роддома. Туго спеленатый ребенок, словно оружие, лежал у нее на руках. – Ты старшая сестра. Вскоре она полюбит тебя до последней клеточки твоего тела.

Мариса представила себе любовь до последней клеточки: кожа расплзается по швам и улетает куда-то вверх.

Анна села в своей кровати рядом с игрушечным кроликом и плотно сжала кулачки, а потом разжала. Мариса заранее взяла булавку из маминой швейной шкатулки и аккуратно положила в карман платья. Она достала булавку.

Наклонилась к кровати, просунув руку между прутьев, кончик иглы блестел между ее большим и указательным пальцами. Анна по-прежнему смотрела на Марису, пуская пузыри и извиваясь. Взгляд все еще прикован к лицу старшей сестры. Где-то наверху звякнула игрушечная карусель, и слоники с веселыми галстуками-бабочками закружились в танце, отбрасывая на потолок неровные тени.

Мариса выбрала самую мягкую часть тела ребенка: предплечье. Кожа там такая пухлая, похожая на свежеиспеченный хлеб, который мать обычно оставляла для нее. Прежде чем ребенок успел пошевелиться, Мариса быстро вонзила булавку в ручку.

На долю секунды младенец в замешательстве посмотрел на сестру. В этот момент Анна выглядела старше всех, кого Мариса когда-либо встречала, словно ментально все поняла. Мариса глубоко вдохнула. Она все это время задавалась вопросом, правда ли, что это ее младшая сестра, а не какая-то форма жизни из другого измерения, отправленная шпионить за ними и разрушать жизнь Марисы.

Но тут ребенок закричал. Отчаянный крик, не похожий на обычные крики, возвещающие о голоде или усталости. Истошный вопль, который Мариса сразу же распознала как боль. Боль, обида и недоверие. Малышка кричала так громко, что Мариса запаниковала. Она посмотрела на ручку сестры. Булавка вошла неглубоко. На этом месте осталась малозаметная красная точка – невозможно заметить, если не искать специально. Мариса спрятала булавку обратно в карман платья. Она поняла, что сделала нечто непростительное.

Она подалась вперед, но ребенок вздрогнул, и Мариса поняла: малышка теперь боится ее.

– Тихо, тихо, тихо, – повторяла старшая сестра, копируя интонации матери. – Ну, все хорошо. Я здесь. Мы вместе. Ничего страшного.

Но малышка не унималась, и через несколько секунд Мариса оцепенела от мысли, что покалечила ребенка навсегда. Она ведь просто хотела посмотреть на реакцию. Анна покраснела, глаза сузились, слезы ручьем текли на одеяло.

– Что случилось?

Мариса подняла взгляд и увидела, что в комнату врывается мать, на ходу расстегивая блузку и готовясь кормить младенца. Спросонья, на щеке остался красный след от подушки.

– Тише, моя радость, тихо, мама здесь.

Она вытащила Анну из кровати и нежно поцеловала. Мариса заплакала.

– Прости, – прошептала она. – Я просто хотела посмотреть...

Мать рассеянно взглянула на старшую дочь.

– А *ты* почему плачешь? – спросила она, доставая грудь из лифчика. Мать поднесла грудь к лицу малышки, но та продолжала крутить головой.

– Что случилось? – снова переключилась она на старшую.

– Я хотела проверить... – начала Мариса. И тут она быстро, не без помощи детской интуиции, сообразила, что нет никакого способа объяснить необходимость проведения такого эксперимента. Ради сохранения остатка материнской любви ей придется солгать. Мариса перестала реветь, и последние две слезинки остались сохнуть на щеках.

– Анна заплакала, а я зашла, чтобы попробовать успокоить, пока малышка не разбудила тебя, – с пугающей легкостью выпалила Мариса. Это была первая произнесенная ложь.

– Это так мило с твоей стороны, спасибо тебе.

Но это было сказано впопыхах, поэтому не считалось. Все внимание матери сосредоточено на младенце. Она, прижимая Анну к себе, села в кресло для кормления, стоявшее возле окна. Мариса наблюдала, как ребенок успокаивается, а потом жадно хватается губами за сосок и затихает. «Как странно, что двое могут быть настолько сильно связаны друг с другом, словно

они – один большой человек, пульсирующий жизнью, которая не включает меня», – подумала старшая сестра.

Мариса молча вышла из комнаты и незаметно вернула булавку в швейную коробку.

3

Они сразу же начали пытаться создать семью. Мариса перестала принимать противозачаточные. Каждое утро, видя нераспечатанную металлическую прямоугольную упаковку таблеток на дне ящика для стирки, она испытывала ощущение собственной правоты и чувство удовлетворения от того, что делает нечто взрослое.

– Не могу дождаться появления ребенка, – сказал Джейк однажды за ужином. – Я знаю, это звучит странно. – Он откинул волосы назад, и его рука замерла на шее.

– Вовсе нет, – запротестовала Мариса. – Почему?

– Мужчины не должны говорить такие вещи.

– Какая глупость.

Она приготовила макароны с сыром, потому что это, по его словам, любимое блюдо с детства, а у нее как раз под рукой оказался рецепт, в котором использовались четыре вида сыра и соленый бекон с хрустящей корочкой. Мариса взяла кусочек бекона и положила в рот, слизнув масло с кончиков пальцев.

– Я тоже не могу дождаться, и мне все равно, даже если это кажется странным.

Она улыбнулась и вытянула руку вперед, чтобы погладить его ладонь. А он поднял руку, желая налить ей вино, поэтому их пальцы неловко столкнулись в воздухе.

– Извини, – засмеялся он. – Я слишком взволнован.

Джейк наклонил бутылку к бокалу, но Мариса закрыла его рукой.

– Нет. Спасибо, но... если мы серьезно относимся к этому...

– Ты права. Да, конечно.

Он поставил бутылку обратно на подставку, и она заметила, что Джейк выглядит довольным. Он все еще в рабочем костюме, успел снять только куртку, повесив ее на спинку стула. Сразу же ослабил галстук, едва переступив через порог. В уголках глаз появились морщинки усталости. Она знала, что у него сейчас напряг на работе, но он никогда не любил вдаваться в подробности. Вместо этого Джейк спрашивал Марису о том, как прошел ее день.

– Как продвигается работа над новым заказом? – спросил он, закатав рукава и приступая к еде.

– Отлично. Знаешь, это здорово, когда есть такое рабочее помещение – свет там просто великолепный.

– Как зовут этого ребенка?

– Моисей. – Она закатила глаза. Они оба удивлялись богачам, которые в поиске имен своим наследникам черпали вдохновение в Ветхом Завете.

Мариса рассказала о последнем эскизе – сложной сцене с плетением косичек принцессы. Он запикивал макароны в рот, пока Мариса говорила, и смотрел на нее с таким обожанием, словно она самый важный человек в его жизни.

– Сложно передать текстуру. Волосы всегда сложно рисовать.

– Вот что мне в тебе нравится, – заметил Джейк. – Ты знакомишь меня с целым новым миром, о котором я ничего не знал. Сложно рисовать волосы. Хм. Кто бы мог подумать?

Несмотря на предупреждение Джас, Марисе очень нравилось то, как близко они узнают друг друга. Каждый день под одной крышей – это словно еще один слой. Слой за слоем их единение становилось прочнее, будто откровения были надежными укреплениями.

Мариса стопкой сложила тарелки: его тарелка совершенно чистая, на ее – остатки еды. Она слишком много говорила.

– Не нужно этого делать, – произнес Джейк. – Позволь мне. – Он взял тарелки и погладил ее.

Он не любил прикосновения. Джейку не нравилось держаться за руки на улице, и даже целоваться дома, пока этого никто не видит, для него было слишком сильным проявлением чувств. Тем не менее, глядя на то, как он складывает тарелки в посудомоечную машину, она подумала, что предпочтет именно такую любовь, нежели любые прикосновения.

Джейк поставил чайник. Мариса с удовольствием наблюдала за его движениями: сильные широкие плечи, твердость мускулистых бедер. Разум следовал за ним, а воображение рисовало любовные сцены: ноги сцепились за его спиной и он вошел в нее, прикусив мочку уха, внутри себя она почувствовала его концентрированную силу. Ни с одним мужчиной она никогда не чувствовала такой физической связи. Но теперь поняла, что все прошлые любовники были слишком неуверенны в своих силах. Представила голову Джейка между своими ногами, и как его язык скользит по клитору, заставляя ее взмокнуть. Потом он перевернул бы ее на живот и мощно вошел.

– О чем думаешь? – спросил он, стоя за кухонным столом.

– А? – Мариса взглянула на него. – Прости, я витаю в своих мыслях...

– Да? – Джейк игриво приподнял бровь, и она поняла, что он думает о том же.

– Ага, думала о своем, – усмехнулась она.

– Пойдем тогда. Пора спать.

Утром Джейк встал очень рано, чтобы успеть на работу. Она крепко спала, поэтому не слышала, как он ушел. Мариса спустилась вниз и закинула капсулу в кофеварку, которая забулькала и выдала эспрессо. Сквозь раздвижные двери просачивался свет, а на лужайке перед домом важно расхаживали две сороки и нервно поклевывали траву, словно знали о том, что за ними наблюдают. Она вспомнила о первом посещении дома и незваной гостье.

«Первая – удача, вторая – неудача», – всплыла в уме детская считалка. Мариса убедила саму себя, что это знак. Возможно, она уже беременна и внутри нее восходит семя новой жизни. После побега матери Мариса думала, что никогда не захочет детей. Оставшись с отцом, она чувствовала себя одинокой, сбитой с толку всеми домашними обязанностями. Внутри нее всегда таилась обида на Анну, из-за которой, по ее мнению, все и случилось. Все было хорошо до того момента, пока не появился этот младенец.

Однажды Мариса попыталась поговорить об этом с отцом, но хотя тот был добрый и по-своему любил ее, крушение брака подкосило его, и теперь он просто потерянно слонялся по их старому скрипучему дому.

– Папа, – сказала она как-то вечером, когда он зашел к дочери, чтобы поцеловать на ночь. На нем были грязный халат с цветной веревкой вместо пояса и красные вязаные носки, которые мать каждое Рождество использовала для украшения кровати Марисы.

– Да, доченька?

– Мама ушла из-за Анны?

Отец выглядел ошеломленным, его слезящиеся глаза расширились.

– Какой странный вопрос, – произнес он и присел на самый край ее кровати. – Она всего лишь ребенок. Анна не могла заставить маму что-то сделать. – А потом тихим подавленным голосом добавил: – Никто не мог.

На самом деле Мариса хотела получить ответ на другой вопрос, но боялась произнести его вслух. Она кивнула головой, как это делают все взрослые.

– Я понимаю, папа, – ответила Мариса, хотя вообще ничего не понимала.

Он встал и направился к двери. Как только отец оказался возле дверного проема, Мариса испытала прилив храбрости.

– Но папа, – произнесла она.

Отец остановился, положив руку на дверную ручку.

– Ты... ты... скучаешь по ним?

Она почувствовала комок в горле.

– Да, – ответил отец, но не обернулся. – А ты?

– Я тоже.

Она ждала, что отец вернется и утешит ее, но вместо этого он лишь хмыкнул. Несколько мгновений спустя Мариса услышала, что он чистит зубы и набирает ванну. Вскоре после этого в коридоре погас свет.

Мариса долго не могла заснуть, на лице появились две липкие дорожки слез, и тогда она дала себе обещание никогда не говорить об этом снова. Делала вид, будто все хорошо, старалась расти сильной и независимой, чтобы никто другой никогда не смог причинить ей боль.

Итак, Мариса никогда не хотела быть матерью. Но потом, в какой-то момент, примерно в двадцать пять лет, без каких-либо явных причин, она переменялась и поняла, что рождение ребенка позволит ей отпустить прошлое и сделает жизнь лучше. Это стало ее идеей фикс.

Поэтому она подписалась на каждое дейтинговое приложение, сайт или форум. Мыслила стратегически, решив рассматривать лишь тех кандидатов, которые открыто заявляют о своем серьезном отношении к детям. До Джейка, правда, были сплошные разочарования.

Она пила кофе, сидя на одном из стульев в скандинавском стиле, стоявших за длинным кухонным столом. Их ножки выглядели тонкими и ненадежными, но сами стулья намного удобнее, чем казались на первый взгляд. Допив эспрессо и получив дозу кофеина, она пошла в свою студию. Достала чистый лист акварельной бумаги. Мариса забыла купить бумагу плотностью триста граммов, поэтому каждое утро начиналось с кропотливого труда по подготовке бумаги для предстоящей работы. Она взяла пластиковый поднос, пошла в ванную и набрала в него немного воды, после чего вернулась в студию. Положила деревянную доску на чертежный стол и отрезала ленту определенной длины. Лист бумаги прижала краем пластикового подноса, касаясь запястьями прохладной воды. Растяжка такой бумаги занимала много времени, но Марисе нравился подобный медитативный процесс. На эту задачу требовалось потратить основательное количество времени. Торопиться было нельзя.

Намочив доску губкой, она приподняла один из углов бумаги, позволяя стечь излишкам воды. Потом согнула лист и переместила на доску. Затем увлажнила коричневую ленту и приклеила, аккуратно проведя пальцами, чтобы удалить все пузырьки воздуха, но нельзя давить слишком сильно – от этого пленка растягивается. Когда все было готово, Мариса убрала бумагу в сторону, чтобы за сутки полотно успело высохнуть.

Она вернулась к сцене, над которой уже начала работу: принцесса сидит в высокой башне из серых кирпичей, ее светлые волосы заплетены в длинную косу. Мариса щелкнула кистью в банке с водой, опустила кончик в розовую краску и принялась прорабатывать выражение лица принцессы: рот должен выражать удивление и предвкушение того, что скоро к ней поднимется Моисей и спасет ее. Мариса наградила принцессу голубыми глазами и веснушчатыми щеками. А вот принц проработан чуточку лучше. Ему достались вьющиеся волосы каштанового цвета, пучками торчавшие в разные стороны. На рабочем столе стояла фотография Моисея, и она старательно пыталась сделать принца похожим на его идеализированную версию. В реальной жизни Моисей был пухлым и с неправильным прикусом, который Мариса исправляла в своей работе, тонко улучшая черты внешности ребенка и получая удовольствие от результата.

Это произошло в тот самый момент, когда она рисовала левый глаз, делая его немного менее выпуклым и пристальным, чем на фотографии. В дверь позвонили. Мариса удивленно выпрямилась. Дверной звонок никогда раньше не звонил, пока она находилась в доме. Плечи напряглись. Марисе не нравились помехи в процессе работы. Она внимательно прислушалась, думая лишь о том, чтобы непрошенный гость развернулся и ушел. «Какие-нибудь благотворительные листовки или свидетели Иеговы...» – подумала она. Но в дверь снова позвонили.

– Да твою мать, – крикнула Мариса, опуская кисть в банку с водой, и та сразу же окрасилась в тон коричневой краски. Принцу Моисею придется подождать.

Она спустилась вниз в своих сандалиях: всегда надевала их во время работы, это удобная немецкая обувь с анатомической стелькой под форму стопы. В деревянной входной двери установлен глазок с широким углом обзора. Мариса прильнула к нему и присмотрелась. Увидела фигуру пожилой женщины, стоявшую спиной к ней.

Мариса открыла дверь.

– Да? – спросила она.

Женщина обернулась. Высокая, элегантная, на вид около шестидесяти. Ухоженная кожа сияет. Макияж почти отсутствует: немного туши, румян и розово-красной помады. Контуров глаз подчеркнуты блестящей бежевой пудрой.

– А ты, наверное, Мариса, – мрачно произнесла женщина.

– Да, – снова повторила Мариса.

– Я мама Джейка, Аннабель. – Женщина настолько грациозно протянула руку, что Мариса не удивилась бы, если бы на руках, несмотря на столь теплую погоду, оказались надеты перчатки. Мариса пожала руку, ощутив давление небольшого перстня на мизинце.

– Ой! Так приятно наконец-то встретиться с вами!

Девушка затараторила, но Аннабель ответила лишь холодным взглядом.

– Я не ожидала вас... – продолжила Мариса, но слова прозвучали глупо и нелепо. «Перестань говорить, просто заткнись», – приказала самой себе. – Вы проходили мимо? Или зачем вы к нам? Я просто... я... чем обязана честью?

Почему она так говорит? Мариса поняла, что сильно нервничает. Джейк близок с матерью, но в разговорах всегда уклонялся от рассказов о ней.

– С моей мамой немного сложно... – объяснил он в один из первых дней. – Скажем так... она хитрый персонаж.

– Это как?

Он медлил с ответом.

– Она постоянно раздает другим советы о жизни.

Больше она ничего и не спрашивала. Мариса и Джейк существовали отдельно от всех, поэтому у нее никогда не возникала необходимость встречаться с кем-то из его семьи. Их отношения, помимо всего прочего, развивались очень стремительно.

– Ты собираешься пригласить меня внутрь? – грубо осведомилась Аннабель. – Я была бы очень признательна.

– Конечно, конечно. Простите. Совсем об этом забыла.

Мариса пропустила мать мимо себя и указала на выложенный плиткой коридор.

– Кухня там, – пояснила Мариса. Аннабель уже спускалась вниз, широко расправив плечи и держась одним пальцем за перила, словно оценивая их на наличие пыли. Мариса пошла следом, по сравнению с шикарными эспадрильями Аннабель ее сандалии казались теперь такими убогими.

– Я просто влюбилась в оригинальную планировку, – снова начала болтать Мариса, чтобы хоть как-то нарушить тревожную тишину. – А карнизы...

– Уж не думаю, что тут есть что-то оригинальное, – заявила Аннабель, взглянув на абжур светильника. – Имитация под старину. Полагаю, что застройщик планировал сдавать дом в аренду, не так ли?

– Ну... я не...

– Похоже на то. Ламинат не из настоящего дерева.

Аннабель прошла вглубь кухни и остановилась у стеклянных дверей, ведущих на лужайку перед домом.

– Нужен полив. – Она повернулась и осмотрела плитку. – Боже, а это что?

Мать указывала на зеркальный фартук.

– Это...

– Очень странный замысел: смотреть на себя во время готовки.

Аннабель широко улыбнулась, оскалив крупные зубы. Она напонила Марисе волчицу, переодетую в Красную Шапочку, – из ее старого детского сборника сказок.

– Сядем тут? – Аннабель указала на кухонный стол, выглядевший теперь потрепанным и усеянным кофейными пятнами. Половина стола усыпана панировочными крошками – после завтрака Мариса не успела убрать за собой.

– Да. Я могу принести вам чашечку...

– Кофе. Черный. – Аннабель села и сняла с плеч расписной индийский платок. – Спасибо.

И хотя Аннабель не понравился зеркальный фартук, он все же позволил Марисе оценить женщину, которую она считала будущей свекровью. Под платком у Аннабель надета льняная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, обнажавшими загорелую кожу и длинное золотое кольцо, усыпанное полудрагоценными камнями. Светлые брюки заканчивались чуть выше лодыжки, края штанин модно растрепаны. Зачесанные назад светло-русые волосы, собранные черепаховым зажимом. Профиль лица напоминал балерину в состоянии покоя: торчащий нос, вздернутый подбородок, подтянутые щеки и настороженность, все это выдавало в ней женщину, привыкшую быть в центре внимания. «Она выглядит сногшибательно», – подумала Мариса. Но в ней заметно нечто такое, что мешает быть совершенной. Женщина находилась в оборонительной позиции, которую можно углядеть в ее хмуром взгляде, линии бровей или сжатых челюстях. Словно Аннабель изучала красоту по книжным самоучителям, но так и не приблизилась к ее пониманию.

Мариса возилась с кофемашинкой, подставляя чашку под форсунку.

– Тебе все это нравится? – осведомилась Аннабель со своего места.

– Вы про кофе...

– Да.

– Да, на самом деле. Это все очень просто. Не надо убирать остатки кофе и...

– Я никогда бы не подумала, что это может быть вкусно.

– Ну... – пробормотала Мариса и почувствовала себя провинившимся ребенком.

– Извини, – сказала Аннабель, осознавая, наверное, что была слишком резкой. – Я уверена, что получится вкусный напиток.

Этого уже оказалось достаточно, чтобы Мариса испытала прилив надежды. Она, возможно, просто неверно понимала сигналы. У нее есть склонность неправильно понимать людей, а также постоянно считать, будто все вокруг ее осуждают. Они с Аннабель, наверное, отлично поладят. Уже представила себе, как Аннабель рассказывает своим важным друзьям: «О, я обожаю мою невестку. Мы нашли с ней общий язык». Возможно, им просто нужно получше узнать друг друга, разузнать о причудах и скрытых прелестях индивидуального поведения. Возможно, возможно, возможно...

– Вот, прошу.

Мариса поставила на стол две чашки кофе, каждую на блюдце, которыми они почти никогда не пользовались. Белые чашки с синим ободком. Когда она отметила их красоту, Джейк рассказал, что приобрел их у гончара из Корнуолла. Синий напоминал Марисе о море, а белый материал казался почти полупрозрачным, словно смотришь на солнце сквозь раковину.

Аннабель сделала глоток кофе и скривила рот. Создалось впечатление, что ей приходится задерживать дыхание, пока она пьет.

– Спасибо.

Мать скрестила ноги, откинулась на спинку стула, а руки положила на колени.

– Итак, – произнесла она. – Мы наконец-то встретились.

– Верно. – Мариса улыбнулась. – Я очень этого ждала.

Аннабель выглядела слегка удивленной.

– Действительно? – Она поморщилась. – Я даже не могу вообразить причину. Разве у Джейка был повод говорить обо мне?

– О... нет... – Мариса замолчала. Нечего ответить.

– Но все же мы встретились. Я полагаю, что дети никогда не говорят родителям, чем они там занимаются. Не всегда.

Аннабель поставила полную чашку обратно на блюдце. Женщина не прикоснулась к кофе, и Мариса поняла, что та больше не собирается его пить.

– Хороший сад, – рассеянно отметила Аннабель. – Итак, – продолжила женщина, наклонившись вперед и подперев лицо руками, на ногтях красовался изящный маникюр темно-сливового оттенка. – Когда вы переехали?

– Две или три недели назад? Нет, вообще-то, наверное, уже прошел целый месяц.

Аннабель кивнула.

– Ты должна меня простить, но я довольно-таки старомодна в таких вопросах. Я совсем не одобряю подобное.

Теперь кивнула Мариса.

– Я полагаю, что вы назвали бы это жизнью во грехе, – произнесла Мариса.

– Нет, – ошеломленно ответила Аннабель. – Я бы не назвала это так. Не совсем правильная фраза. Просто... в мое время все происходило более *традиционно*. – Она особенно выделила последнее слово. – Всегда трудно в одиночку, верно? – Она пристально смотрела на собеседницу голубыми пронизательными глазами. – Но раз уж так задумано природой, то так тому и быть. Нет смысла что-то менять. Приходится жить в темпе, продиктованном нам жизнью.

Дыхание Марисы участилось. Странно чувствовать себя настолько обиженной на кого-то, чье мнение ты так ждала. Аннабель медленно опустила голову. Молчание матери раздражало еще больше, чем ее слова. В правом ухе сверкнула золотая сережка. Украшение, наверное, стоит больше, чем весь наряд Марисы.

– Вам может показаться, что мы куда-то спешим, – заговорила Мариса, – но нам кажется это правильным, и это все, что имеет значение, верно? – Аннабель молчала. Мариса прочистила горло. – Надеюсь, что вы нас поймете. – Молчание. – Со временем, разумеется. Мы не хотим спешить.

– Мы? – Аннабель коротко и резко рассмеялась. – Да ты собственница?

«А почему бы и нет, – подумала Мариса, – он мой чертов бойфренд. И что с того, что ты его мать? Этого мало. Ты никогда по-настоящему не думала о других. Если бы ты так заботилась о нем, то не отправила бы его подальше в школу-интернат, когда ему было всего, блин, семь лет».

Она подумала об этом, но ничего не сказала вслух. Ярость жгла внутри, словно картечь. Рот непроизвольно сжался в прямую линию.

– Спасибо за кофе, – сухо поблагодарила Аннабель и с силой отодвинула чашку, от этого резкого движения кофе выплеснулся на стол. Она намотала шарф на широкую шею и выпрямилась во весь рост. Внешний вид женщины напомнил Марисе какую-то птицу. Пеликан или страус. Птица с глазами-бусинами, назойливым клювом и недобрыми намерениями.

Она, сохраняя молчание, пошла вслед за Аннабель. У выхода женщина повернулась и пожала Марисе руку.

– Приятно познакомиться, – прошипела мать.

Вдалеке завывла сирена.

– И мне тоже, – соврала Мариса. – Надеюсь, что мы скоро увидимся.

Аннабель достала из сумочки солнцезащитные очки и надела их. Глаза женщины исчезли за черными овалами.

– О, я так не думаю, – ответила она с нарочитой вежливостью, словно комментировала погоду.

Женщина спустилась по ступенькам, а девушка смотрела ей вслед: высокий силуэт в белом. На дворе жаркий день, но Мариса заметила мурашки на своих руках. Она вздрогнула.

4

Несколько дней Мариса ничего не рассказывала Джейку. Убедила себя, будто он слишком занят на работе и поэтому не стоит его беспокоить. Ложилась спать до его возвращения домой. Слышала хлопки входной двери, а потом успокаивающие звуки шагов, под которые и засыпала. По утрам дожидалась ухода Джейка, после чего спускалась вниз и пила кофе с тостами, а затем приступала к работе, методично растягивая бумагу, чтобы успокоить свои мысли.

Но не озабоченность мешала рассказать обо всем. Это было ее собственное унижение. Мариса очень хотела произвести хорошее впечатление на семью Джейка. Надеялась получить приглашение на воскресный обед в загородном доме или какое-нибудь семейное собрание – день рождения или юбилей – и надеть красивое платье с правильными украшениями и глубокой декольте, а еще взять с собой букет или растение в горшке, потому что оно дольше простоит. Она уже спрашивала Джейка о любимом сорте вина родителей, но тот посмеялся над этим и ласково поцеловал в лоб. «Не забивай себе голову, они полюбят тебя, разве может быть иначе?» – сказал он.

И если дело дошло бы до обеда, его мать, нежно обняв, рассказала бы, сколько всего хорошего они слышали, а Мариса предложила бы помощь в готовке, ведь на кухне «так вкусно пахнет, миссис Старридж».

«О, пожалуйста, зови меня просто Аннабель», – сказала бы мать Джейка, заговорщицки взяв ее под руку, приговаривая, что девушка их гостя, поэтому должна просто сидеть и выглядеть великолепно. «Кто-нибудь, пожалуйста, налейте этой милой леди джин», – попросила бы Аннабель серьезным голосом, но с необычным блеском в глазах, а отец подал бы ей хрустальный бокал, в котором льда именно столько, сколько его нужно. А потом, понизив голос, сказал бы: «Да ты наше главное украшение».

«Папа! – воскликнул бы Джейк с нежной улыбкой, уловив взгляд Марисы, – Хватит! Ты ее смущаешь!»

«Нет, нет, – смеялась бы она, – все прекрасно! Я отлично провожу время!»

Так и должно было случиться. Мариса надеялась на это: стать незаменимой как для самого Джейка, так и для его семьи, быть нужной и лишенной всяких недостатков.

«Не знаем, что бы мы без тебя делали, – говорили бы его родители, – ты лучшее из того, что случалось с нашей семьей».

Ну, разве все не должно быть именно так? Разве это не уместная кульминация событий? Разве это не должно было стать искуплением для Марисы, которое исправило бы все обиды и плохие вещи, совершенные, возможно, по отношению к матери и младшей сестре? Разве не так должно все закончиться?

Очевидно, что нет.

Поэтому она ничего не говорила Джейку до выходных, пока они не оказались наедине в своем саду. Джейк разделся по пояс, оставив только свободные спортивные шорты. Он любил тренироваться по субботам, вставив в уши наушники с агрессивным хип-хопом. Делал приседания и отжимания, не меньше минуты стоял в планке, пот покрывал все его тело, а на коврике для йоги оставались мокрые точки. Мариса сидела на скамейке, ее лицо наполовину скрыто широкими полями соломенной шляпы. Рядом с ней лежала книга. Это популярный летний бестселлер, сюжет подобных книг, казалось, все знают еще до того, как приступят к чтению, но Марисе никак не удавалось уловить смысл текста. На обложке красовалась современная модная картинка: женская голова без глаз, носа или рта, прорисованными остались только волосы по плечи. У самой Марисы были длинные, переливающиеся золотом, светло-русые волосы, на солнце они светлеют до блонда с карамельным оттенком. Волосы ей нравились, поэтому она хорошо за ними ухаживала: каждый день промывала шампунем, подсушивала полотенцем и

тщательно наносила кондиционер. В последнее время стояла настолько солнечная погода, что ее кожа покрылась равномерным загаром, а на лице высыпали веснушки.

Она сняла шляпу и подняла лицо к солнцу, на мгновение прикрыла глаза и подумала о том, что нужно дорисовать все до конца недели, чтобы успеть к шестому дню рождения Моисея. Через несколько секунд лицо окутала прохлада, Мариса открыла глаза и увидела перед собой Джейка. На его коже сверкали капли пота, он тяжело дышал. Джейк вытер лицо внутренней стороной футболки.

– Как тренировка? – спросила она.

– Прекрасно, – ответил он. – То, что нужно.

Увидев Джейка после тренировки, она подумала о том, как они занимаются сексом: его кожа сияет, мускулы напряжены, от тела исходит концентрированный запах.

Он сел на скамейку чуть поодаль от Марисы. Она закрыла книгу и переложила ее к себе на колени, на случай, если он захочет придвинуться, но Джейк этого не сделал.

– Мама рассказала, что заходила, – произнес он.

– Ах, да, – подтвердила Мариса, и сердце заколотилось. – Я хотела тебе сказать, но...

– Все нормально, не нужно. Это не твоя вина. Во всяком случае, – проговорил он, протирая волосы, – извини, если она была грубой.

Она молчала. Мариса пыталась осознать тот факт, что он уже успел переговорить с Аннабель. «Мать ему позвонила или наоборот?» – подумала девушка. Или того хуже – они встретились за обедом? О чем они говорили? Она знала, что они будут ее обсуждать, но не могла себе представить, чтобы Аннабель отзывалась о ней тепло. Изменилось ли мнение Джейка?

В груди словно раскачивался грузик маятника. Она посмотрела на заднюю часть дома, на выкрашенные в белый цвет оконные рамы, на ровные ряды черепицы. Мариса почти сумела рассмотреть угол стола в своем кабинете. Она почувствовала хрупкость всего и ту легкость, с которой она может всего лишиться. И решила удвоить усилия, чтобы все стало лучше. Нельзя дать Джейку повод разорвать их отношения. «Если наши отношения рухнут, это конец всему», – с грустью подумала Мариса.

– Мама была грубой? – уточнил Джейк.

Она попыталась рассмеяться.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто... я знаю, что она может быть... невыносимой.

Мариса подумала: «Это какая-то ловушка». Сказать, что Аннабель вовсе не грубила и солгать, чтобы не критиковать его мать? Некоторые люди с юмором относятся к своим семьям. В свое удовольствие ругают и поносят родственников, но если кто-то скажет что-то подобное, они немедленно оскорбятся. Или следует во всем признаться и встать на сторону Джейка?

Она выбрала неопределенный нейтральный курс.

– Да. Нет. Все было нормально. Очень эффектная женщина.

Джейк рассмеялся.

– Она такая, да. – Он отпил воды из своей спортивной бутылки с крышкой-клапаном. – Очень дипломатично, Мариса.

Джейк нежно взглянул на нее.

– Послушай, она имеет право на свое мнение, – начала объяснять Мариса. – Но я никак не могла повлиять на ход нашей встречи.

– Понимаю. Дело в том, что она очень дотошная. Она за традиционные ценности, и к тому же – большой сноб. Она никогда нас не поймет. И мне совершенно плевать на это. Мои родители не имеют к этому никакого отношения. К нам.

Он вытер глаза краем футболки.

– Это, – Джейк указал на дом и Марису, – моя семья, которую я сам себе выбрал.

– Спасибо, – прошептала девушка. – Это много для меня значит.

Она почувствовала себя настолько счастливой, насколько вообще может быть счастлива женщина рядом с мужчиной, который дарит ей ощущение безопасности. Если бы Мариса могла остановить этот момент, остановить ход стрелок на циферблате часов, она сделала бы это. Они совершенно счастливы на этой скамейке, под ярким солнцем, рядом друг с другом, с непрочитанной книгой на коленях и ароматом жасмина, витающим в воздухе.

Ничего не остается идеальным навсегда, верно? Этот урок Мариса заучила еще в детстве, и пообещала себе никогда о нем не забывать, но потом появился Джейк, она увлеклась им и позволила себе поверить в то, что дальше будет только лучше. Позволила себе влюбиться.

Оглядываясь назад, Мариса запомнит этот момент на садовой скамейке как последний миг блаженства перед большими изменениями. Их маленький защищенный мирок соскользнул со своей оси и рухнул в темную пропасть. Глупо было верить в светлое будущее. Счастье приходит и уходит. Но она узнает об этом только когда, в их жизни появится квартирантка.

5

Работа Джейка, оказывается, шла уже не так хорошо. Сделка, грозившая вот-вот сорваться, все-таки сорвалась. Но он воспринял это спокойно, как нечто неизбежное в бизнесе.

Сейчас уже и не вспомнить, когда они впервые заговорили о жильце, но она четко помнит, что вопрос «а если?..» быстро сменился на «а когда?..». Поначалу Мариса была против. Ей не нравилась сама мысль о незнакомце, который поселится в их доме, забьет холодильник своей едой, а по вечерам будет раздражать их, смотря телевизор. Но Марисе казалось, что она не вправе говорить об этом Джейку, ведь он внес залог за дом, когда она оказалась на мели, а сейчас продолжает платить большую часть ежемесячной арендной платы. Мариса хотела стать его равноценным партнером, но пока выходило с трудом. Ее положение по-прежнему было ненадежным, как у викторианской гувернантки, выживавшей за счет хитростей и щедрых подачек богачей. Лихорадочные фантазии Марисы рисовали некое подобие кладовки, в которую она должна забиться, чтобы занимать поменьше места и никому не мешать, а значит, у Джейка не будет поводов расстаться.

Джас предупредила ее, что она впадает в одну из двух крайностей в отношениях с мужчинами.

– Либо ты самая крутая сучка и тебе на все плевать, – объяснила Джас, – либо ты полностью растворяешься в мыслях о нем.

– Не думаю, что это так, – возразила Мариса. В тот момент они сидели в местном салоне красоты. Он назывался «До кончиков пальцев» и там работали суровые тайские женщины с мрачными лицами. Сотрудницы охотно общались между собой, но никогда не разговаривали с клиентами. Мариса делала педикюр, а Джас обновляла блестящий пурпурный лак.

– А Мэтт? – Джас вспомнила последнюю интрижку Марисы с певцом и музыкантом, который, оказалось, никогда не пел и никогда не играл на инструментах. – Тебе тогда от него сорвало крышу.

– Это особый случай.

Мэтт был чрезвычайно, неопишимо красив. Он постоянно отправлял романтические сообщения и ссылки на песни, напоминавшие ему о ней. Сначала она подумала, что действительно в него «втрескалась», что ее будто пронзила молния. Но потом Мариса погуглила синонимы и поняла, что все гораздо прозаичнее, на самом деле она «вляпалась», а это уже звучало не столь романтично.

В течение первых двух недель кипели страсти, а потом Мэтт на несколько дней исчез, и она сильно переживала. Мариса звонила и писала ему в WhatsApp, но тот целую неделю не выходил на связь, после чего внезапно объявился, написав: «Прив, че дел?» Она впала в такую эйфорию, что сразу же позабыла приступы печали и неуверенности, снова окунулась в омут с головой. Так продолжалось пять месяцев, ровно до тех пор, пока Мэтт, не попрощавшись напоследок, не пропал окончательно. Он даже заблокировал ее номер.

– А что Мэтт? – спросила она, пока мастер маникюра орудовала прямоугольной пилочкой.

– Рядом с ним ты никогда не была самой собой. Ты позволила ему взять полный контроль.

– Нет.

Но теперь, оглянувшись назад, Мариса понимает, что Джас права. Она ошибочно приняла его непредсказуемость за страсть, а свою тревогу посчитала предвестницей сильной любви. И поэтому продолжала пробовать разные тактики, пытаясь сохранить его интерес. Если бы Мэтт был нужен ей чуточку меньше, подумала Мариса, и если бы она перестала выдвигать требования и ультиматумы, когда тот не хотел по-хорошему; если бы смогла убрать эту

часть себя, тогда все было бы нормально, и *тогда* бы она осталась довольна собой. И была бы достойна безраздельного мужского внимания.

– Ну, как знаешь, – протянула Джас, вытянув руку вперед и любуясь блеском фиолетового лака в лучах солнца. – Мэтт все равно полный придурок. Я лишь хочу сказать, что тебе нужно быть сильной самой по себе. Не нужно притворяться ради очередного мужика. Просто будь собой.

Марисе захотелось ответить: «Ага, ну да». Такое предложение ей совершенно не понравилось.

Она согласилась принять жильца, рассчитывая, что это облегчит жизнь Джейка, а следовательно, и ее. Он решил, что сосед будет жить в комнате на чердаке, потому что там есть отдельная ванная. И к тому же, там хороший сигнал Wi-Fi, поэтому отпадает потребность в телевизоре, сейчас ведь все смотрят фильмы на своих ноутбуках, верно? Джейк предложил приобрести микроволновку, чайник и небольшой холодильник, чтобы сосед стал самодостаточным. Мариса соглашается и с этим.

И тут появляется Кейт. Старше Марисы, ей тридцать шесть. Работает в рекламном отделе киностудии. У нее вкрадчивый голос, острые черты лица и каштановые волосы с непослушной челкой чуть ниже бровей. Во время первой встречи Мариса заметила, что та постоянно сдвигает эту челку в сторону. Кейт маленького роста, худощавая и с плоской грудью. Носит джинсовый комбинезон и футболки, Марисе это кажется неуместным для женщин такого возраста. Тем не менее, увидев ее, она почувствовала облегчение: Джейк не западет на Кейт, ему нравится другой типаж: светловолосые, с медовой кожей, со светлыми глазами и веснушками вокруг носа. Такие как Мариса. Кейт, к тому же, нужно ходить в офис, а это означает, что Мариса целый день будет дома одна и сможет спокойно работать.

– Я ценю, что ты для нас делаешь, – сказал Джейк в тот вечер. – Правда.

– Не стоит об этом, – ответила Мариса. Он вдруг решил удариться в кулинарию и приготовить изысканное блюдо – утку с вишней. На ее вкус, оно вышло слишком жирным, да и соус получился вязким, но она все равно охает и ахает, нахваливая Джейка. Потом они ложатся спать, и она полностью уверена в правильности принятого решения.

Иногда Марисе кажется, что в прошлой жизни Кейт уже жила в этом доме. Соседка ведет себя слишком фривольно, без какого-либо стеснения. Кладет свою зубную щетку в хозяйской ванной, прямо рядом с их щетками, при этом совершенно игнорирует замечательную гостевую ванную комнату наверху. Ставит в кухонный шкаф плохо промытую чашку с трафаретным изображением черной лошади и надписью «Темная лошадка». Беговые кроссовки оставляет прямо у входной двери. «Эй, не споткнись», – кричит она Марисе, кидая их на плитку и рассыпая по коврику комья сухой грязи.

Мариса всегда мечтала о такой самоуверенности, но никогда не могла понять подобное поведение. Она убеждает себя, что все нормально. Они могут сосуществовать без необходимости становиться подругами. Их отношения останутся деловыми и отдаленными, а потом Джейк накопит достаточно денег, отпадет надобность сдавать комнату, и они, в конце концов, смогут жить своей жизнью. «Это все временно», – продолжает напоминать себе Мариса. Скоро все закончится.

Проходят недели. Мариса неплохо справляется со своими заказами. Принц Моисей уже отправлен. И она взялась за новый проект для девочек-близняшек – Петры и Серены. Родители попросили нарисовать сказку с феминистской моралью, поэтому она делает близняшек дерзкими принцессами, переодевающимися в мальчиков, чтобы доказать: девочки могут править королевством ничуть не хуже мальчиков. Сказка называется «Девочки правят миром» – с отсылкой к песне Бейонсе. Мариса занимается раскадровкой приключения. На ее любимой иллюстрации изображены девочки в клетчатых рубашках и соломенных шляпах, жующие

спички и притворяющиеся парой деревенских мальчишек с туго завязанными на затылках кудрявыми светлыми волосами.

– Думаешь, они нас узнают? – пищит одна из девочек с нервным выражением на шестилетнем лице.

– Мы Питер и Стивен, глупышка, – отвечает другая.

Занимаясь эскизами, Мариса иногда думала о своей собственной сестре, о том, сколько всего было упущено во время взросления. Она всегда чувствовала себя одинокой. Наверное, поэтому она так хочет ребенка. Мать никогда не бывает по-настоящему одинока.

Мариса работает несколько часов подряд, но потом боли в спине заставляют ее встать и размяться. Вчера она увидела в местной газете объявление: «Занятия йогой для беременных в 10 утра». Она спонтанно решает пойти и записаться.

Она где-то читала, что находиться рядом с беременными – хорошо для женщин, планирующих завести ребенка. Срабатывают гормоны, тело реагирует на феромоны беременности или что-то еще.

Мариса переодевается в спортивные штаны и старую футболку, берет шлепанцы и завязывает волосы в пучок. Закидывает на плечо коврик для йоги и выходит из дома, прикрыв за собой дверь. Кейт еще не ушла на работу, поэтому нет смысла закрывать все замки.

Студия находится в здании старой часовни, об этом напоминают высокие потолки и паркетный пол. Некоторые окна еще сохранили остатки витражей, а в воздухе будто витает аромат благовоний. Мать всегда водила ее в церковь на рождественские службы. Они ходили туда только раз в году. Марисе это нравилось, ведь ей разрешали ложиться спать позже обычного. Нравились церковные песнопения и чувство единения, а потом викарий протягивал детям коробку дорогих конфет. Мариса всегда выбирала серебристо-зеленый треугольник со вкусом лесного ореха и чем-то еще, что мать называла «пралине».

– Ты у нас впервые? – спрашивает инструктор, пока она разворачивала коврик в первом ряду.

– Да.

– Прекрасно. – Инструктор – высокая загорелая женщина с татуировкой с римскими цифрами на левом предплечье. На ней легинсы с принтом из звезд и майка с надписью «Вдохни. Выдохни. Повтори». – Давно занимаешься? Просто нужно понять твой уровень.

– О, – заикается Мариса. А вот этот момент она не продумала. – Начальный. Шесть недель.

– Поздравляю, – с лучезарной улыбкой хвалит ее инструктор. – Меня зовут Кэрис.

– Мариса.

– Красивое имя, – кивает Кэрис. – Добро пожаловать, богиня.

Мариса внимательно изучала лицо инструктора, пытаясь определить есть ли подвох в ее словах, но так ничего и не обнаружила. Ладно, богиня – значит богиня. Кэрис выходит вперед, предлагая, всем занять свои коврики. Здесь были женщины на разных сроках беременности. У некоторых под легинсами проглядывали аккуратные выпуклости. Другие, на поздних сроках, перемещались с большим трудом, словно пробираясь через болото.

– Вдохните, – произносит Кэрис, и в ее голосе проскакивают артистичные интонации. – Выдохните. Еще раз.

Кэрис подключает телефон к проводу на подоконнике, и зал наполняется ритмичными ударами племенных барабанов. Музыка заглушает слова Кэрис, но все остальные, повинаясь какому-то стадному инстинкту, кажется, и так знали, что нужно делать. Поэтому Мариса повторяет вслед за остальными, наклоняясь из стороны в сторону, а потом возвращается в позу ребенка с широко расставленными коленями. Марисе всегда тяжело давалась йога: слишком тяжело было концентрироваться и контролировать собственное тело. Рядом с ней сидит худая женщина, похожая на подростка. Элегантные плечи и стройные бедра, а живот лишь слегка

выпирает вперед. «Вот так хочу выглядеть во время беременности», – промелькнуло в голове у Марисы.

– Сегодня я проспала будильник, – говорит Кэрис. – И кругом опоздала. Я, даже не позавтракав, вышла из дома, а еще забыла зонт. Первая ветка была переполнена, прямо негде было встать. Везде просто уйма людей. – Кэрис смеется. – И я почувствовала себя такой *оторванной*, понимаете? Оторванной от Матери-Земли, и вообще мне стало не по себе. Я занервничала. И тут, уважаемые адепты йоги, я вспомнила то, что говорю вам каждую неделю. Я сделала то, что говорю делать *вам*. Я закрыла глаза. Заглянула внутрь себя. И начала контролировать свое дыхание. Потому что дыхание – жизнь. А ведь вы собираетесь подарить новые жизни этому миру, поэтому вам следует максимально освободить свое дыхание. Дышите свободно! Освободите его! – Мариса пыталась освободить дыхание. Тошая блондинка на соседнем коврике издает шумный хриплый звук, исходящий из самых глубин горла. Мариса силилась повторить звук, просто чтобы доказать, что тоже так умеет, но горло сдавливают – очевидно, ее соревновательный инстинкт явно не дзен. «Черт возьми», – ругнулась она.

Кэрис продолжает:

– Как учат нас наставники, – а потом переходит на нечто похожее на санскрит с акцентом Челмсфорда, – *сарва карьешу сарвада*. Пожалуйста, освободите свое восприятие от любых препятствий.

«Пожалуйста, освободите мое занятие йогой от присутствия Кэрис», – думает Мариса. С нее уже сошло семь потов, хотя все только началось.

После – час боковых наклонов и нежных голубиных поз. Громкость музыки нарастает, а как только наступает тишина, в дело сразу вступает Кэрис, вдаваясь в свои витиеватые рассуждения о природе сотворения («Что *значит* создавать, быть плодородным и открывать свое сердце чуду вселенной?»). Когда все подходит к концу, Мариса сворачивает коврик. Блондинка по соседству, перехватив ее взгляд, улыбается.

– Ты новенькая?

– Ага, – кивает Мариса и распускает волосы.

– Вот почему я не видела тебя раньше. Она великолепна, не так ли? Такая гармоничная.

Мариса смотрит на Кэрис, та говорит с будущей матерью, сосредоточенно кивая и сложив руки на груди.

– Очень, – соглашается Мариса, осознавая, что никогда больше не вернется на эти занятия. «Должны быть более простые способы пробудить гормоны», – решает она.

– Я всегда чувствую себя намного лучше после наших занятий. А ты достигла просветления?

Мариса не может вспомнить, о чем именно говорила Кэрис, поэтому решает импровизировать.

– О, для меня еще слишком рано, – уклончиво отвечает она.

Женщина удивленно вскидывает брови:

– Удачи. Увидимся на следующей неделе.

– Нет, не увидимся, – шепчет Мариса и поскорее, стараясь не смотреть в глаза Кэрис, направляется к выходу. Осталось только толкнуть дверь, как вдруг – в дальнем конце зала промелькнула знакомая фигура.

Марисе требуется пара секунд, чтобы сосредоточиться и понять в чем дело. Темные волосы. Челка. Серые штаны и укороченный топ с логотипом дорогого спортивного бренда. И даже когда все фрагменты сложились воедино, Марисе все равно требуется пара секунд, чтобы окончательно убедиться в том, что это она. Квартирантка.

«Кейт», – удивляется Мариса. Такое ощущение, что Кейт шпионила и наблюдала за ней со своей точки обзора в задней части зала. Она точно не была беременной... или была? И

тут Мариса вспоминает: она тоже не беременная. Ей совершенно не хотелось вдаваться в распросы, ведь всегда есть риск столкнуться с неудобными встречными вопросами.

– Я не видела тебя.

Кейт ухмыляется, обнажив кривоватые передние зубы.

– А я была позади! – Звучит логично. – Сегодня я работаю из дома, поэтому решила заскочить.

Коврик для йоги – один из тех дорогих мягких ковриков с узором из пальмовых листьев. У Кейт он аккуратно свернут и перевязан фиолетовым ремешком. Мариса замечает, что ногти на ногах соседки выкрашены в ярко-оранжевый цвет, а вот ее собственный розовый лак уже шелушится.

– Тебе понравилось занятие? – интересуется Мариса.

– Просто супер! Я увидела, что ты идешь, и решила хвостиком увязаться за тобой, подумала – здорово сделать это вместе, понимаешь?

Кейт держалась слишком уверенно и развязно, словно это совершенно нормально: без бьяснения причин следовать за арендодателем на занятия йогой для беременных. А теперь она пилится на Марису так, будто ждет слова благодарности. Мариса ошеломлена.

– За исключением того, что мы не занимались вместе.

– Что не так? – Кейт услужливо придерживает дверь.

– Мы же не занимались вместе. Ты пряталась сзади.

Кейт смеется.

– Я не пряталась! Просто решила дать тебе немного личного пространства!

Мариса думает: «Станный способ предоставить личное пространство».

– Хочешь кофе? – предлагает Кейт. – Будет здорово поболтать.

– Нет, прости, – взволнованно бросает Мариса, но потом поборов смущение, раздраженно добавляет: – У меня сроки горят. Работа, понимаешь.

– Ага, это из-за картинок? Как там делишки?

Мариса судорожно соображает, как от нее избавиться. К чему эти вопросы? Они стоят на тротуаре лицом к лицу, и Мариса скрещивает руки, чтобы создать между ними некую физическую границу.

– Все хорошо, спасибо, что спросила.

– Здорово. Тебе нравится работать в той комнате?

Она просто пытается быть дружелюбной. Мариса силилась не осуждать ее за это. Надо успокоить дыхание, как советовала Кэрис. Вдох. Выдох. Очищение разума от тревожных мыслей.

– Ага. Свет потрясающий.

– Здорово.

«Чему ты так радуешься? – бесится Мариса. – Это, черт возьми, мой дом».

– Ладно, забыли про кофе, но давай найдем время и поболтаем. – Кейт протягивает руку для рукопожатия. – Я так рада, что мы живем вместе.

Она впериается в нее взглядом, и хотя с губ Кейт и не сходит улыбка, но эта улыбка кажется фальшивой, ее глаза по-прежнему хитро прищуренны. Мариса натягивает рукава толстовки.

– Я, наверное, пойду.

– Конечно, – говорит Кейт.

Мариса уходит, но Кейт неподвижно стоит на месте.

Мариса переходит дорогу и возле кафе сворачивает налево, а когда оборачивается, соседка все еще стоит там.

Кейт поднимает руку и машет.

– Увидимся дома! – кричит она через улицу.

Мариса машинально машет в ответ и быстрым шагом направляется к дому.

6

На следующий день Мариса возвращается к работе, но никак не может сосредоточиться. Она бросает взгляд на фотографию Петры, одной из шестилетних близняшек, пытаясь уловить ее черты лица. Петра – прелестный ребенок – красивее, чем ее сестра, что кажется несправедливым, ведь они близнецы. Мариса уяснила, что подобное не поддается оценке. Все дело вовсе не во внешности ребенка, а в мелких деталях: ямочке на подбородке, или в том, как кто-то хмурится или смеется, показывая крохотные зубки, похожие на драгоценные камушки.

Эта фотография Петры сделана во время семейной поездки на пляж. Девочка в синем купальном костюме с оранжевыми узорами стоит спиной, поэтому ее взгляд, должно быть, направлен в сторону моря. Ветер растрепал ее волнистые пшеничные волосы, тонкие пряди рассыпались по лицу. Девочка смотрит прямо в объектив камеры. «Большинство детей на фото улыбаются только в том случае, если их об этом попросят», – подумала Мариса. Или они вообще отказываются позировать. Или хмурятся. Но Петра ничего такого не делает. Она просто спокойно стоит, такая маленькая фигурка посреди песка и ветра, в ожидании фото.

Когда родители по электронной почте отправили Марисе фотографии близнецов, она их распечатала, все как обычно. Но именно это изображение увеличила в два раза по сравнению с оригиналом. Ей очень понравилось спокойствие девочки. Каково это – быть настолько уверенной в своем месте в мире? Когда не нужно пытаться заставить людей полюбить себя?

Все это сложно перенести на бумагу. Мариса может передать физические характеристики – взять для примера фотографию Серены, второй близняшки. Но с Петрой так не выходит, ускользает какая-то важная деталь, поэтому изображение остается плоским и безжизненным.

Мариса попробовала подобрать другой телесный цвет, добавив к розовому немного оранжевого, а потом попыталась пририсовать ей юбки, а не платья, затем шорты, но ничего не вышло. Она работает с шести утра, поднялась с постели еще до того, как проснулся Джейк, а Кейт ушла на работу. Из-за недосыпа мышление фрагментарное. Ночью она подскочила в кровати, ей привиделось, будто Кейт склонилась над ней и внимательно рассматривает лицо.

Этим утром Мариса не хотела встречаться с соседкой, только не после той неловкой сцены на занятиях йогой. Джейку она расскажет попозже. А сейчас нужно сконцентрироваться на выполнении работы. У «Рассказываем сказки» нет заказов на ближайшие несколько месяцев. Летнее затишье перед рождественской лихорадкой, и хотя Мариса знала об этом и всегда старалась отложить деньги про запас, в этом году пришлось потратить все свои сбережения на транспортные расходы, поэтому отсутствие постоянного дохода ее беспокоило. Изначально зарплаты Джейка хватало на них двоих, но сейчас финансовая ситуация ненадежная и все необходимо тщательно просчитывать. В последнее время он напряжен и рассеян, и даже не такой ласковый. Мариса старалась успокоиться. Постоянно напоминала себе о том, как сильно Джейк ее любит, что их любовь настолько сильна, что не нуждается в ежедневных доказательствах.

Всякий раз, замечая понижение градуса их отношений, она впадала в панику и искала то, что поможет ей прийти в себя. Мариса загибала пальцы. Он хочет от нее ребенка. Джейк предложил скачать приложение для отслеживания цикла. Он рад встрече с ней. Они вместе живут. Это факты. И под ними скрывается непроверяемая истина, хранимая Марисой глубоко в душе: Джейк не ее мать, он никогда ее не бросит. Эта истина приходит на помощь только в самых крайних случаях.

В семнадцать лет Мариса сбежала из школы-интерната. Напечатала письмо и подделала подпись отца, сообщив администрации школы о том, что ему якобы поставлен диагноз «рак простаты», поэтому на выходные дочь должна вернуться домой.

– Мы пытаемся сохранять позитивный настрой, – рассказала Мариса завучу, миссис Карнеги. – Я читала об этом. Думаю, для мужчин в таком возрасте это вполне нормально. Но шансы на выздоровление есть.

Мариса осталась довольна собой. Она решила избрать тактику «мне трудно, но я держусь» и не проиграла. Слезы были бы лишними, хотя Мариса уже научилась плакать по своей прихоти. Она хотела разыграть перед миссис Карнеги сценку, будто потрясена неожиданной новостью, но все же справляется, и не поддается пораженческим настроениям. Это должно понравиться оптимистичной миссис Карнеги.

– Ты правильно делаешь, Мариса, – завуч прервала ее как раз вовремя. – Важно сохранять позитивный настрой.

Женщина сняла очки, и они повисли на красочной пластиковой цепочке.

– Тебя кто-нибудь заберет? – участливо осведомилась миссис Карнеги.

– Меня всегда забирал папа, – продолжила врать Мариса. – Но нас только двое, да вы и сами прекрасно знаете, но... – тут она позволила голосу дрогнуть. – Сейчас он не в лучшей форме, поэтому мне придется поехать на поезде.

Миссис Карнеги кивнула и сказала:

– Очень хорошо, хорошо, – с этими словами она подписала официальное разрешение.

Отец, конечно, был в полном порядке. Он так никогда и не узнал, что его сразила неизлечимая болезнь, и когда девочка появилась к концу семестра, на первый взгляд здоровая, но какая-то растерянная, Мариса снова соврала, что их молитвы были услышаны, а папа чудесным образом исцелился.

– Но он не любит говорить на эту тему, – предупредила она. Миссис Карнеги улыбнулась и положила руку на ее плечо.

– Разумеется, милая. Я не стану об этом говорить.

Письменное разрешение миссис Карнеги, спрятанное в карман блейзера, дало Марисе волшебный доступ к внешнему миру. Школа построена в неоготическом стиле с горгульями и башнями, и поговаривали, будто там водятся привидения, а еще школа удачно располагается рядом с железнодорожной станцией города, поэтому до поезда на Лондон идти совсем недалеко. Мариса сняла блейзер и надела джинсовую куртку. Закатала пояс темно-синей школьной юбки, чтобы та стала на несколько сантиметров выше колен. Расстегнула белую блузку и завязала узлом на пупке, потом распустила волосы и раскидала по плечам. Макияж делала уже в туалете поезда, и глаза пришлось подводить несколько раз, потому что от тряски вагона рука дрогнула и соскользнула по щеке, оставив на ней бесформенное пятно краски.

Искусством макияжа она овладела благодаря журналам для девочек. В выпуске «Макияж для школы» было подробное руководство по созданию образа на выпускной. Все предложенные там косметические продукты Мариса купила или украла. Глядя на размытое отражение в зеркале, она нанесла на ресницы два слоя туши марки «Мейбелин», ведь в журнале авторитетно заявлялось: «Это сделает ваши ресницы неотразимыми!» По щекам, под определенным углом, растерла кремовые румяна, подчеркнув их мазками бронзера. Губы накрасила перламутровым блеском. Отошла назад, оценивая свое отражение. Теперь она выглядела старше, чем планировала, и ее лицо, казалось, слишком выделялось на фоне подросткового тела. Но потом Мариса привыкла к своему новому образу и заулыбалась. «Я выгляжу слишком сексуально», – подумала она и растерялась, ведь стала немного похожа на Бритни Спирс из того видео или Брижит Бардо на старых фотографиях.

Был уже полдень, когда три часа спустя поезд прибыл на станцию Паддингтон. У Марисы имелся тщательно продуманный план, и она его придерживалась. Сначала нужно проехать по кольцевой линии от Паддингтона до Кингс-Кросс, а потом на Хай-Барнет перейти на Северную линию. На Северную линию вели два пути, поэтому нужно быть внимательной, и выбрать

верный. Несмотря на это, если допущена ошибка, всегда можно пересесть на Кэмден-Таун. Пунктом назначения значился Кентиш-Таун.

Спустя несколько месяцев после ухода матери Мариса услышала, как отец говорит по телефону. Это случилось поздно ночью, и она должна была спать, но по голосу отца Мариса поняла, что разговор имеет особую значимость. Уже в детстве она по интонации научилась определять степень важности информации.

– Понятия не имею, – произнес отец. Мариса вылезла из кровати в одной лишь ночной рубашке и присела у перил лестницы наверху. Стояла на четвереньках и боялась пошевелиться, чтобы ни одна половица не выдала ее присутствие.

– Я уже сказал, она никогда не оставляла адреса.

По наступившей тишине стало очевидно, что человек на том конце провода что-то говорит. Мариса уже поняла: они обсуждают мать.

– Это чертовски безответственно, вы правы.

Мариса никогда раньше не слышала, чтобы отец грубо выражался. Он говорил с пренебрежением, а его голос звучал сердито. Девочка подумала: «Снова напился своего виски?»

– О, я не знаю. Последнее, что я слышал, это Кентиш-Таун.

Название крепко засело в памяти Марисы.

– Ха! Довольно. Да. Вполне.

Снова долгое молчание.

– Все в порядке. Спасибо за звонок. Извините, если я слишком злился, просто...

Мариса на цыпочках пошла обратно в кровать, понимая, что разговор близится к завершению, а потом отец пойдет ее проверять.

– Мариса? – он явно оказался удивлен вопросом. – О, с ней все нормально. Приняла с должным спокойствием. Никаких проблем.

Тогда Мариса почувствовала гордость. И лишь годы спустя поймет, что такое настоящие проблемы.

До Кентиш-Таун добралась чуть позже 16:00. Была осень, и вечера наступали все раньше, поэтому в небе уже сгущались сумерки. Едва только Мариса поднялась по эскалатору и приложила свой проездной к турникету «на выход», она внезапно осознала, что не имеет ни малейшего представления, что делать дальше. Все ее познания заканчивались «Кентиш-Таун». Других сведений о местонахождении матери нет. За последние годы она подслушала много разговоров и обшарила все ящики в доме, надеясь найти хоть какие-то зацепки, но вместо этого постоянно натыкалась на старые списки покупок, погнутые скрепки или ключи от старых и давно снятых замков.

Она представляла себе Кентиш-Таун маленькой деревушкой, какой видела ее в эпизодах «Почтальона Пэта». Зелень, паб с деревянными балками и красивые домики с розами на подоконниках. Оставалось только найти мать. Мариса думала, что все будет просто: достаточно посмотреть по сторонам и, возможно, зайти в местный магазин и спросить кого-нибудь о Гарриет Гроувер.

Но тут не было ни лужаек, ни паба, ни одного красивого дома. Только грязный тротуар и сплошной поток транспорта, от которого ее отделяли тонкие серые перила. Мужчина в красном плаще, продававший популярную уличную газету, наклонился вперед и успел кинуть плотный сверток, прежде чем Мариса поняла, что вообще происходит.

– Нет, нет, спасибо, – она протянула экземпляр обратно.

– Тогда проваливай, – ругнулся мужчина и отвернулся.

Автобус, выбрасывая в воздух видимые облачка выхлопных газов, с грохотом пронесся мимо. Мариса чувствовала свою беспомощность, стоя посреди городской сутолоки. Женщина в красном брючном костюме. Мужчина с маленькой собачкой на поводке. Девочка, толкающая перед собой коляску с куклой со стеклянными глазами. Подросток со своим телефоном

– Nokia, прямо как у нее – кричал, что не собирается никому ничего объяснять и что от него вообще должны отстать. Все куда-то шли, неслись, мимоходом бросая на нее нетерпеливые взгляды, а Мариса стояла на месте и ничего не понимала.

И все же она верила. Своеобразная, взявшаяся из никоткуда вера в то, что стоит только немного пройти вперед, и мать сразу объявится. Она ушла от них десять лет назад, но Мариса была уверена, что моментально ее узнает: отведенные назад плечи, взлохмаченные волосы и упитанные бедра. Почувствует ее запах, состоящий из ванили и дыма от сигарет «Силк Кат», мать курила их каждый день. Или запах ее мыла, упакованного в узорчатые пакетики, припечатанные золотой медалькой. Да, Мариса определенно была уверена, что найдет свою мать где угодно.

А вот насчет Анны такой уверенности не было. Трудно себе представить десятилетнюю сестру, которую ты давно не видела, но, возможно, она похожа на Марису в этом возрасте. «Да, это очень логично», – сказала она самой себе. Все же, несмотря на долгую разлуку, они сестры.

Она пошла по тротуару прочь от станции метро. За поворотом улица упиралась в пологий холм. На углу оказался паб, она заглянула в окно и увидела теплую и манящую обстановку, в свете ламп красиво поблескивали пивные краны. Марисе всего семнадцать, но она не раз бывала в пабах. Школа-интернат давала значительную свободу. Им разрешалось посещать один паб в городе, пока они пьют там только безалкогольное пиво, но это правило столь часто нарушалось, что перестало быть правилом. По выходным Мариса с друзьями выходила из школы, сообщая миссис Карнеги, что якобы они собираются в разрешенный паб, но вместо этого ребята садились на поезд до Вустера и показывали поддельные удостоверения личности вышибалам в «Карго» – дрянном ночном клубе, где каждый субботний вечер играла «клубная классика». Там они пили ром с колой и танцевали, а Мариса запрокидывала голову и двигалась в такт ритму, танцуя поближе к понравившемуся мальчику. Все модные движения она выучила по музыкальным клипам, и получалось у нее неплохо. Мариса это знала, и, пусть она и не была самой красивой девочкой в классе, но танцпол – однозначно ее стихия. Кружащая в неровных бликах стробоскопа, она знала, что может понравиться любому.

В пабе Кентиш-Тауна Мариса сразу занервничала. Внутри сидели только четыре человека: двое мужчин за барной стойкой и парочка, взявшаяся за руки, за отдельным столиком. Вид влюбленных успокоил, и она высоко подняла голову, расправив плечи, как этому учили на единственном занятии по манерам поведения в школе, которое призвано помочь выпускникам на собеседованиях при трудоустройстве.

– Что хочешь? – с улыбкой спросил бармен.

– Ром с колой, пожалуйста.

Она смотрела на спину бармена, пока тот готовил напиток. Парень оказался моложе, чем ей показалось. Мариса рассматривала движения лопаток под его клетчатой рубашкой. Закаленные рукава обнажали мускулистые руки, красиво освещенные лампой над стойкой.

– Готово, – сказал он, протягивая стакан, казавшийся полнее, чем следует.

– Спасибо. – Она уловила в его голосе австралийский акцент. – Сколько с меня?

Бармен закинул на правое плечо полотенце, которым вытирал стойку.

– За счет заведения.

– Что? Но...

– Это акция. Первый напиток бесплатно. – Он подмигнул ей. Мариса покраснела.

– Хорошо, – пробормотала она. – Спасибо.

Мариса села за столик возле туалета, предполагая, что никто особо не позарится на это место, а как раз сейчас очень нужно было побыть одной. Сделала глоток, чувствуя горечь алкоголя и сладость колы, боровшихся за место на языке, и наконец кола победила, а вкус рома практически растворился. Глоток. Еще один. Половина напитка исчезла, и Мариса почувствовала приступ легкого головокружения. Достала телефон и начала играть в змейку. Просто

нужно посидеть пару минут, допить коктейль и отправляться на дальнейшие поиски матери. Мариса допила остатки рома с колой.

– Повторить?

Бармен оказался рядом. От звука голоса Мариса вздрогнула.

– Ой. Я думала, нужно заказывать за стойкой, – сказала она, ненавидя себя за то, сколь жалко это прозвучало. «Если бы я действительно была взрослой, я бы точно знала, как нужно себя вести. Давай, будь крутой, черт возьми», – подумала Мариса.

Бармен снова подмигнул. Она никогда бы не подумала, что так может подмигивать кто угодно, а не только актеры дешевых мыльных опер или плохих детективных сериалов. Но этот парень продолжал так делать.

– Для особых клиентов я выхожу из клетки.

Слово «клетка» заставило ее вздрогнуть.

Он похлопал Марису по спине.

– Шучу. Что будешь? Еще ром с колой?

Она кивнула. Еще один не повредит. «Выпью еще стаканчик, чтобы успокоить нервы, а потом встану и пойду», – успокоила она себя.

Но бармен – его звали Кевин – все продолжал и продолжал приносить напитки, и Мариса стеснялась отказываться. В груди росло беспокойство, ведь она не сможет оплатить счет, но потом вспомнила о кредитной карте отца, которую носила с собой для важных случаев, вроде оплаты уроков вождения, поэтому расслабилась. После четвертого стакана ее развезло, и она начала хохотать над шутками Кевина о какой-то лошади с длинной мордой, заказавшей выпивку, а потом он рассказал анекдот о страусе, там шутка строилась на описании птицы с лапами из задницы. Мариса смеялась над этим анекдотом около минуты.

И даже не обратила внимания, что в какой-то момент из бара исчезла влюбленная парочка, а потом и оба мужчины, и они остались только вдвоем. Кевин пододвинул стул и сел рядом, а когда она спросила его о работе, он сказал: «Неважно, смена уже почти закончилась». Мариса заметила появление на столе бутылки рома, а может, бутылка стояла там все это время – уже сложно было вспомнить. Кевин продолжал подливать ей, и теперь она пила чистый ром без колы. Мариса больше не нервничала, и пила лишь для того, чтобы сохранить это ощущение пьяной безмятежности. Сделает еще один глоток и уйдет. Еще один, потом оплатит счет и пойдет делать то, ради чего приехала, а именно... что именно? Было же что-то важное... и все же... почему не может вспомнить? Мысль постоянно ускользала, словно цепочка, плавно погружавшаяся в морскую пучину. А, вот оно. Нужно найти маму.

– Я приехала найти маму, – со смехом сообщила она Кевину.

– Детка, ты вообще о чем?

Когда он начал называть ее «деткой»? Это, возможно, в первый раз, а может она уже встречалась с ним в прошлой жизни, поэтому слово прозвучало так знакомо? И ей не показалось бы странным, если бы вдруг выяснилось, что Кевин знает ее мать. Судьба, наверное, не случайно привела Марису в этот паб, который уже не выглядел уютным и безопасным: заведение оказалось грязным и мрачным, а в туалете воняло прокисшей мочой и энергетиками, но ей было все равно. Так весело. Она веселится. Очень весело! Разве нет?

Мариса по привычке взглянула на свое отражение в зеркале. Видела смутно, но ей все понравилось. Нанесла еще немного блеска для губ, ведь с количеством блеска невозможно переборщить, а когда вернулась, заметила, что Кевин уже протягивает ее куртку, ожидая, пока она засунет руки в рукава, что Мариса и сделала без лишних вопросов. Затем они вышли на улицу, которая, казалось, раскачивается под ногами, поэтому ей сложно было удержать равновесие. Это оказалось смешнее шутки Кевина. Теперь она подумала об этом анекдоте и сочла его жутким, а не смешным. Но плевать, этот парень так добр к ней – угостил ее кучей напитков.

– Я же не заплатила, – с трудом проговорила Мариса.

– Говорю тебе, детка, все за счет заведения. А теперь поехали домой.

– Мне нужно найти маму.

Кевин рассмеялся.

– Хорошо, детка. Это не займет много времени. Потом можешь идти и искать кого хочешь. Договорились?

Мариса кивнула.

– Договорились, – ответила она, доверившись Кевину. Он австралиец, и похож на парней из сериала «Домой и в путь», носит рубашку, а еще у него красивый профиль. Мариса почувствовала, как его рука обвивает ее тело, подобно тому удаву с урока биологии. Удав, как рассказывали в школе, хладнокровно усиливает хватку до тех пор, пока кровяное давление жертвы не упадет, а сердце не перестанет биться.

– Ты змея? – спросила Мариса и взглянула на спутника. И только сейчас заметила, что Кевин несет ее рюкзак, а в него она положила телефон после второго или, может быть, третьего стакана, и теперь поняла, что у нее нет возможности сообщить кому-нибудь о своем местонахождении. На самом деле Мариса совершенно не понимала, где они находятся, Кевин вел ее по темным и незнакомым улицам. Шли минут десять или пятнадцать, а может, и целый час. Когда он толкнул какую-то дверь и вытащил связку ключей, она заметила на его руке татуировку якоря. Потом они поднялись по лестнице и прошли по коридору до еще одной двери. Затем он начал снимать с нее одежду и повалил на ковер. От испуга Мариса подогнула колени, но Кевин силой широко раздвинул ее ноги, словно продельвал это с неодушевленной куклой, и в этот момент она попыталась сопротивляться и прокричала «нет», но было слишком поздно. Она оказалась слишком пьяна, слаба, молода и напугана. Кевин навис над ней, и Мариса смогла прочитать этикетку на воротнике его рубашки, именно на ней она и решила сосредоточиться, на этих двух словах «Ривер-Айленд», вышитых белыми нитками на черном фоне. Он сжал ее правую руку, а свободной рукой расстегнул джинсы. Она затихла. Тело Марисы перестало подчиняться командам. Наступило мгновение абсолютной тишины и абсолютной неподвижности.

Потом он ее изнасиловал.

Когда все закончилось, на следующее утро она вышла из квартиры Кевина, ей не с кем было поделиться тем, что с ней случилось. Ради отгула Мариса солгала в школе. Отец совершенно не знал об ее планах, они не были достаточно близки, и она не могла ему довериться. Мариса ненавидела себя, но ночью ей некуда идти. Она прижалась к самому краю двуспального матраса, чтобы он больше ее не трогал, но опасения оказались напрасными, поскольку насильник быстро потерял интерес. Кевин увидел кровавые пятна на ковре и произнес: «Черт, ты могла бы мне сказать». Мариса так и не поняла, имел ли он в виду, что она должна была сказать о девственности, или он предположил, что у нее месячные.

Мариса встала, чувствуя сперму на внутренней стороне бедра, и пошла в ванную, где села на унитаз и сторбилась, пытаясь утихомирить сильную режущую боль в нижней части живота. Завтра будут синяки, они легко появляются на ее теле. Мариса пыталась убедить себя, якобы она сама всего этого хотела.

Позже – намного позже – Мариса узнает, что пережившие сексуальное насилие говорят о том, как у них что-то «отняли»: достоинство, девственность или даже личность. Но она всегда чувствовала: подобно шрапнели, нечто инородное вторглось в тело, надолго изувечив кожу и мышцы, пока на этом месте не образовался шрам, ставший частью ее самой и тем, с чем ей пришлось жить дальше.

Мариса никогда и никому не говорила о случившемся. Никогда не рассказывала о том, как не спала в ту ночь, глядя на сочившийся в комнату серый свет, и плакала под храп Кевина, словно все произошедшее было нормой, – это самое ненормальное и шокирующее. Когда Мариса встала, чтобы уйти, она побоялась разбудить насильника, поэтому задержала дыхание и ее едва не стошнило. Собственная одежда, казалось, уже принадлежит другому человеку –

человеку, который не знает об уродливых сторонах жизни и о том, что она сама позволила сотворить такое с собой. Тогда Мариса подумала: «Это все моя вина». Он напал на нее, но она позволила всему случиться. Она снова и снова прокручивала это в своих мыслях. В своих кошмарах Мариса всегда возвращается в эту точку: шероховатый ковер под спиной, сжатые зубы, напряжение, сковавшее тело, а потом – ничего, словно ветер перестал наполнять паруса. Всей ее сущностью овладело чувство стыда.

Она никогда не говорила Джейку. И хотя Мариса думала об этом каждый день, но ей не с кем было разделить свою боль, вряд ли ее смог бы понять кто-то другой, кто не прошел через подобное. После изнасилования все изменилось, и у нее не было другого выбора, кроме как принять новую реальность. И она это сделала. С двадцати лет Мариса начала встречаться с мужчинами. Новым опытом близости она хотела залечить душевные травмы, оставленные тем насильником. Ей всегда было непросто: постоянное напряжение на первых встречах; она так и не смогла освоиться в онлайн-знакомствах из-за своего врожденного простодушия. «Здесь все вроде бы так просто и невинно, но это и пугает», – думала она.

Мариса так и не нашла свою мать. Но она нашла Джейка, обрела того, кто без лишних вопросов принял ее. Да, пусть это чувство и не походило на удар молнии. Но все казалось более возвышенным. Похожим на освобождение.

7

Кейт готовит ужин. Соседка «настояла», сказав, что «это наименьшее из того, что я могу сделать» и «вы были столь добры», и не могла бы Мариса, пожалуйста, позволить ей выразить свою признательность. Последняя реплика брошена со смехом, сопровождающимся игривым саркастичным тоном. «Да она едва меня знает», – возмутилась Мариса. А Джейк пребывал в восторге, узнав, что Кейт собирается приготовить сыр для макарон, ведь «я знаю, это твое любимое блюдо».

Кейт могла узнать о макаронах с сыром только в том случае, если бы ей об этом сказали Мариса или Джейк. Мариса, разумеется, ничего не говорила, поэтому остается только Джейк. Когда они успели поговорить? Мариса почти всегда дома. Сама мысль о том, что они могли разговаривать без ее участия, ей совершенно не понравилась.

Как бы смешно это ни звучало, но сырные макароны всецело принадлежат одной лишь Марисе. Мариса представила себе разговор с Кейт: «Твои макароны с сыром не подойдут, это мое личное фирменное блюдо, я готовлю их для *своего парня, от которого я в настоящее время пытаюсь забеременеть*, поэтому спасибо тебе, но ты свободна». Но, конечно, ничего не говорила вслух, молча пытаясь перетерпеть присутствие Кейт на кухне – *ее* кухне. Квартирантка так свободно перемещалась по кухне, словно она и была настоящей хозяйкой дома.

– Эй, а куда Джейк положил паприку? – спрашивает Кейт, пока Мариса наблюдает за ней с диванчика.

– Шкаф справа от раковины, – отвечает Мариса, чтобы доказать, что она ничуть не хуже Джейка ориентируется на кухне.

– Ой, прости! – Кейт странно смотрит на Марису. – Я не знала, что говорю вслух.

Мариса притворялась увлеченной вечерним выпуском новостей. На экране политик с румяным лицом и узкими глазами вещает о своих планах в сфере международных отношений, а ведущий, с сине-зеленым галстуком, недоверчиво перебивал его.

– Вы же не можете всерьез заявлять о подобном? – восклицает ведущий, хотя все прекрасно знают о серьезном *настрое* политика, поэтому нет смысла задавать такие вопросы, только если ты не пытаешься вывести кого-то из себя.

– Если вы позволите мне что-нибудь сказать... – пытается продолжить серьезный мужчина. Мариса все чаще думала, что политика становится именно такой: двое мужчин упиваются звуками своих голосов и мелят несусветную чушь, пока один из них не подловит другого на какой-нибудь мелочи, не имеющей никакой связи с повседневной действительностью. Обычно Мариса выключает телевизор, но сейчас ей нужно прикрытие для незаметного наблюдения за соседкой. Поэтому она смотрела на экран, рассеянно слушая пустую болтовню, и краем глаза следя за Кейт, которая суежилась у плиты и расставляла бессмысленное количество кастрюль и сковородок. Соседка насвистывала какую-то мелодию, что, по неизвестной ей самой причине, очень не нравится Марисе.

Кейт наливает кипяток в кастрюлю и смешивает в миске яичный желток с паприкой. Мариса недоумевает: «Боже, да что она собирается делать с паприкой и желтком? Ну, по крайней мере, ее сыр для макарон будет не так хорош, как мой, если она реально добавит всю эту гадость».

Антипатия к Кейт подкралась к ней, словно туман перед приливом, и теперь от нее никуда не деться. А еще у Марисы скоро начнутся месячные, поэтому из-за гормонов она становится агрессивной и нетерпеливой. Кейт выуживает из кармана заколку для волос. Мариса наблюдает, как та скручивает свои короткие волосы в жгут и помещает зажим в самую высокую точку, чтобы пряди красиво ниспадали на покрасневшие щеки. На ней полосатый бретонский топ и расклешенные джинсы, которые Мариса никогда бы не надела. Но модная одежда

отлично сидит на узких бедрах и мальчишеской фигуре Кейт. Мариса оценивает собственный наряд: бледно-желтый сарафан, привезенный с отдыха на греческих островах, мешковатый и удобный, но забрызганный краской. Без макияжа, ведь она весь день не выходила из дома. Грязные волосы собраны в пучок. На запястье красуется серебряный браслет, она никогда его не снимает, на нем болтаются счастливые подковы и миниатюрные компасы. Подарок на восемнадцатилетие от отца, и хотя к тому времени она уже съехала, он отправил его в мягком конверте, завернутым в папиросную бумагу, и с открыткой, в которой знакомым почерком сообщалось, что когда-то браслет принадлежал матери, а теперь переходит Марисе.

У Кейт многократно проколоты мочки ушей, но она носит тонкие изящные золотые обручи, для создания элегантного неброского эффекта украшенные крошечными блестящими бриллиантами. На шее висят три золотые цепочки, а на третьей – самой длинной – болтается выпуклый медальон с выгравированной буквой «К». Мариса думает: «Интересно, что там внутри? Паприка, наверное».

– Прости, что ты сказала? – Кейт смотрит на нее, и Мариса понимает, что вслух посмеялась над своей же шуткой.

– Да так. Просто этот мужик что-то сказал, – она машет рукой в сторону телевизора.

– Блин, он такой балабол, – небрежно бросает Кейт, пока помещение наполняется паром и запахом плавленого сыра.

Мариса не считает себя ханжой, но все-таки – будь она квартиранткой в чужом доме, вряд ли стала бы бездумно произносить такие слова. Наверное, она просто слишком строго судит. Наверное.

– Джейк вернется в половине восьмого, – кричит Мариса с дивана.

– Да, я знаю, – отвечает Кейт, не отвлекаясь от готовки.

Без двадцати восемь они слышат щелчок замка входной двери. Кейт успевает поставить макароны с сыром в духовку, разложить на столе салфетки и расставить бокалы, наполнить кувшин водой и воткнуть в него веточки мяты из садовых горшков с травами.

– Я сочла их красивыми, – поясняет она. – Ты согласна?

Мариса, не имея сложившегося мнения насчет веточек мяты в обычной воде, выдает ни к чему не обязывающее одобрение.

– Я вернулся! – кричит Джейк из коридора.

Он заходит на кухню и сразу, не обращая внимания на Марису, направляется в сторону соседки.

– Боже мой, Кейт, это пахнет фантастически, – с этими словами он открывает дверцу духовки.

– Пожалуйста, не открывай дверцу, пока все не приготовилось, – приказывает Кейт, игриво откидывая его руку.

– Хорошо, хорошо, обещаю.

– Привет, – здоровается Мариса. Наблюдает за ними, и у нее невольно возникает ощущение, что она здесь лишняя.

– О, привет, Мариса. – Джейк улыбается и приветственно поднимает руку.

Даже не подходит и не целует. Мариса понимает, если сейчас не выйдет с кухни, то заплачет и опозорится. Поэтому она резко идет к выходу и бежит наверх в мастерскую, закрывает за собой дверь и прислоняется к ней спиной. Слезы бегут ручьем, но она их не вытирает. Мариса позволяет себе минуту слабости, зная, что нет причин плакать, просто чувствует усталость и беспокойство. Так устала. Уже несколько дней она страдает от упадка сил.

Раздается стук в дверь.

– Мариса? – с волнением в голосе спрашивает Джейк. – Ты в порядке?

– Да, все хорошо. Просто мне нужно немного времени.

За дверью тишина.

– Ладно, как скажешь. – Она слышит вздох и представляет себе выражение хорошо знакомого лица: любящее, обеспокоенное тем, что он все испортил. Во многих смыслах Джейк все еще тот семилетний мальчик, отправленный матерью в школу-интернат. Мариса думает: «Ему тоже нужны забота и любовь». Как и ей. Именно поэтому они идеально друг другу подходят.

– Не волнуйся, Джейк. Ничего страшного. Я спущусь через минуту, когда... я... закончу... ответ на это письмо, – бормочет она.

– Ладно. Увидимся внизу. Не спеши.

Когда шаги удаляются, Мариса бессильно опускается на пол. Она так устала, что ей меньше всего на свете хочется болтать с Кейт в этом ее элегантно-повседневном бретонском топе. «Отдохну пару минут и вернусь», – думает она. Идет в ванную и брызгает прохладной водой на лицо, в этот момент взгляд цепляется за лежащий в сумке для белья тест на беременность. Мариса вспоминает, что менструация должна была начаться несколько дней назад, о постоянном чувстве усталости и постоянных попытках забеременеть. И тогда у нее в мыслях появляется очевидное объяснение.

Мариса садится на унитаз и начинает мочиться, когда мочевой пузырь вот-вот опустеет, она подставляет под струю тестовую полоску. Закончив, надевает розовую пластиковую крышку и кладет тест на край раковины. Ждет несколько минут, поглядывая на часы. Как только время вышло, заглядывает в окошечко теста и видит две полоски – две четкие вертикальные фиолетовые линии, которые с неопровержимой уверенностью сообщают о беременности.

Она радостно кричит, да так громко, что сразу же прибегает Джейк. На этот раз Мариса позволяет ему войти.

8

Теперь, когда радость утихает, Мариса находит беременность утомительной. Она постоянно чувствует себя разбитой, по телу растекается тяжесть и медленно оседает в области желудка, где булькает и урчит в самые неподходящие моменты. Первый триместр можно описать словом «оторванность», словно ты находишься не в своем теле. Предпочтения в еде меняются в одночасье. Мысль о зеленом овоще уже вызывает тошноту. Она может питаться только хумусом и хлебом и всеми продуктами бежевого цвета, больше – ничем. Нет внутреннего спокойствия, обещанного книгами о детях и журналами о здоровье. Вместо этого она завалена делами: стоило только сходить к своему врачу, и в почтовом ящике начали появляться разные листовки, брошюры с нелепым шрифтом, предлагающие запись в дородовые классы и проповедующие достоинства грудного вскармливания. Мариса послушно ходит на все назначенные врачебные приемы. Джейк сопровождает ее со щенячьим энтузиазмом. Она возвращается на занятия йогой для беременных и стискивает зубы, как только Кэрис заводит разговоры о Матери-Земле, материнских энергиях и богинях, таящихся внутри каждой женщины.

Большую часть времени проводит дома в постели и полулежа на диване. Смотрит дневные телепередачи и подписывается на стриминговые сервисы для доступа к самым актуальным американским киноновинкам. Она подсела на шоу, в котором показывают повседневную жизнь экипажа на шикарной яхте, и замечает, что за завтраком открывает свой ноутбук, чтобы наверстать упущенное и узнать, как же развиваются отношения между мужчиной и женщиной-матросом, или посмотреть на реакцию шеф-повара, получившего от какого-то олигарха очередной список безглутеновых блюд.

– Как ты можешь это смотреть! – замечает Кейт однажды утром. Она вроде бы шутит, но Мариса слышит осуждение в ее тоне. Соседка смотрит выпуски «Ньюс Найт» и слушает «Радио 4». Перед работой съедает кусок поджаренного ржаного хлеба, намазанный шоколадной пастой. Мариса же не может есть ничего другого, кроме круассанов. Глупое беспокойство из-за лишнего веса.

Каждый день она понемногу работает, но ее картинам не хватает энергии. Кажется, будто она разучилась владеть кистью, поэтому у нее не получается изображать энергичных детей. Мариса расстраивается, рвет рисунки и бросает бумагу в урну.

Джейк не понимает ее апатию. Каждый день ходит на работу, а по вечерам приносит сладости: например, однажды принес спелый нектарин, который она не захотела, поэтому он съел сам, а Мариса смотрела, как по его подбородку стекает сок, и злилась, что он такой несообразительный. Представьте себе, что вы можете съесть нектарин и даже не удосужитесь смахнуть сок! Один школьный знакомый из Америки однажды назвал толстого мужчину «увальнем», именно это слово приходит на ум Марисе при виде Джейка, важно расхаживающего по дому и оставляющего на журнальных столиках и столешницах след из немых кружек, в полной уверенности, что она все соберет и положит в посудомоечную машину. Мариса понимает его привычку к тому, что другие люди многое делают вместо него. Джейк принадлежит к той группе англичан, которым никогда не приходится утруждать себя изучением правил этикета, ведь эти правила создаются ими.

Ночью, лежа в постели, она испытывает отвращение к себе и раскаяние за недобрые мысли. Напоминает себе, что Джейк прекрасный. Добрый. Хороший. Джейку можно доверять. Он поддерживает, волнуется и хочет от нее ребенка. Когда их взгляды пересекаются, Мариса замечает, что его лицо светится от радости.

– Мне кажется, у тебя немного выпирает живот, – говорит он однажды утром, пока они пьют кофе в саду. Теперь Мариса выпивает только одну чашку в день, медленно смакуя, рас-

тягивая удовольствие. Позднее лето еще радуется солнцем, и камни патио окрашены в бледно-желтый оттенок.

Мариса рассматривает свой живот. Она не видит разницы, и от этого все кажется нереальным. Как внутри тебя может развиваться человек, если нет никаких внешних доказательств? Джейк явно готов к ребенку, и отчаянно желает, чтобы все произошло как можно быстрее. Он не умеет ждать. Джейк однажды признался: «Нетерпеливость – мой самый главный недостаток». Мариса сидит на скамейке и колеблется, но потом ставит чашку кофе на землю и выпячивает живот.

– Да, – врет она. – И правда, стал больше.

Джейк наклоняется к животу.

– Привет, моя любимая кроха, – шепчет он. – С нетерпением жду встречи с тобой.

Мариса смотрит на голову Джейка, на его волосы, чувствует запах свежести, и ощущает прилив любви.

– Я люблю тебя, – говорит Джейк в живот.

– Я тоже тебя люблю, – шепотом отвечает Мариса.

Значит, все снова в порядке, и когда он уходит на работу, у нее появляется мотивация, поэтому она сидит пять часов подряд и к обеду заканчивает сказку, выполнив задачи на несколько дней вперед. Ее пугает, что после появления ребенка у Джейка не останется сил любить ее по-прежнему сильно. Ведь после родов у него появится желаемое, а она станет не нужна.

– Ты ведешь себя глупо, – громко говорит она в пустоту комнаты, и уверенность в голосе успокаивает.

Внизу хлопает входная дверь. И почти сразу же раздается голос Кейт.

– Привет?

Мариса выходит в коридор.

– Кейт, – удивляется она. – Я тебя не ждала.

Соседка стоит этажом ниже, поэтому с верхнего ракурса Мариса видит совершенно другую женщину, со слишком большой головой для такого тела. На Кейт комбинезон в горошек, закатанные рукава демонстрируют худые запястья. Тонкую талию плотно облегает кожаный ремень с золотой пряжкой. Мариса не видела смысла в ношении ремней и никогда их не использовала. На ней они смотрятся странно и неестественно. Не носила бы и одежду с узором в мелкий горошек, потому что чувствовала бы себя глупо, словно собралась на подростковый пикник среди полевых цветов. Прямо как ее соседка. Кейт самое место на каком-нибудь пикнике. Разумеется, на модном пикнике в парке Восточного Лондона, с соленым миндалем и крафтовым пивом.

– Нет, – заговорила квартирантка и убрала волосы, смахнув челку на левую бровь. – У меня была встреча и я заскочила на секундочку, чтобы переобуться. Эти, – Кейт указывает на свою блестящую черную обувь, – совсем не подходят для быстрой ходьбы. Да на них вообще невозможно ходить, если честно.

На ногах Кейт красуются остроносые босоножки на высоком каблуке. Обычно она никогда не носила подобную обувь, поэтому Мариса изумляется тому, насколько шикарно та сейчас выглядит.

– Круто, – хвалит Мариса, но сразу же жалеет о выборе слова. – Я тут в процессе, так что...

– Хочешь кофе?

Кейт смотрит с умоляющим выражением лица.

– Ой. Ладно. – Худшая часть работы из дома заключается в том, что бывает сложно придумать подходящее оправдание. – Я уже выпила свою чашку кофе на сегодня, так что...

– Тогда травяной чай?

Возникает секундная пауза.

– Мне просто хочется поболтать, – не унимается Кейт. – Но я понимаю, если ты очень занята. Прости.

Она резкими движениями скидывает босоножки, держась рукой за стену, и Мариса замечает, что Кейт расстроена.

– Это было бы здорово. Травяной чай. Но сначала надо вернуть это на место. – Мариса показывает кисть, с которой капает зеленая краска.

Кейт улыбается.

– Хорошо! Я поставлю чайник.

Вернувшись в студию, Мариса ставит кисточку в банку с водой, развязывает рабочий фартук и вешает его на дверной крючок. Лучше поскорее закончить с этим дурацким чаем. Нужно всего лишь притвориться дружелюбной, улыбаться и кивать, а потом остается надеяться, что Кейт поскорее уйдет.

Соседка, развалившись на барном стуле, сидит за кухонным столом. Поставила перед собой кофейник и, сгорбившись над мраморной поверхностью, листает приложение к воскресной газете. Плащ валяется на диване, руки раскинуты в стороны, со стороны она похожа на труп, обведенный мелом. Что-то насвистывает.

«Ну да, давай, чувствуй себя как дома, почему бы и нет», – думает Мариса. Из-за беременности она стала раздражаться по пустякам. Например, вчера она рассердилась на пешеходный переход: там слишком долго не переключался сигнал светофора.

– И снова привет, – произносит Кейт и выпрямляется, отложив газету в сторону. – Я не знала, какой чай ты будешь.

– Сойдет ромашка. Я налью.

– Нет, нет, позволь мне.

Только Мариса хочет возразить, что это ее дом и она в состоянии налить себе чай, Кейт уже суетится по всей кухне: достает чайный пакетик, извлекает чашку из шкафа и ждет, пока чайник закипит и щелкнет. Мариса заползает на высокий стул, ноги будто ватные. Она наблюдает за тем, как Кейт наливает воду в кружку, отмечая эффективность и гибкость ее движений. У нее ямочка между плечом и верхней частью бицепса. Сегодня этого не видно из-за одежды с длинным рукавом, но Мариса точно знает о наличии этой ямочки. Аккуратные женственные мускулы, уверенность в себе. Когда Кейт машет руками, на них нет болтающейся дряблой плоти, да и вообще на ней нет никакого целлюлита. Словно ее слепили из светло-коричневой глины.

– Ну вот.

Кейт протягивает кружку и маленькое блюдце с чайной ложкой. Блюдце предназначено для использованного чайного пакетика. Мариса никогда бы не подумала о такой мелочи. Она специально оставляет пакетик в чашке, пока вода не окрасится в темно-желтый.

– Мед будешь? – интересуется Кейт.

– Нет, спасибо.

– Итак, – Кейт наклоняется вперед и смотрит ей прямо в глаза. – Как ты себя чувствуешь?

– Отлично. – Мариса потягивает обжигающе-горячий чай.

– Я про беременность и все остальное. Как дела? Я хочу знать *все*.

Мариса смеется.

– Правда?

Но выражение лица соседки говорит о том, что она ждет ответ. Мариса думает: «Такой странный повышенный интерес к моей беременности». В тот самый вечер они рассказали ей обо всем, пока та ждала внизу со своими макаронами. Кейт слышала крики и поэтому решила все разузнать. Соседка, узнав новость, оказалась взволнована не меньше Джейка. Марисе в какой-то момент даже показалось, что Кейт собирается заплакать.

Сейчас они сидят с остывающими кружками, и возникает схожее ощущение.

– На что это похоже? – допытывается Кейт. – Я про беременность.

Марисе становится ее жаль. Раздражение отступает. Как это грустно, наверное, смотреть на молодую влюбленную беременную женщину, когда у тебя самой есть только работа.

– Потрясающе, – жлет Мариса. – Это именно то, чего я всегда хотела. И в каком-то смысле это та причина, по которой я здесь, в этом мире.

Кейт не понимает.

– Не в том смысле, что нельзя быть настоящей женщиной, если ты не беременна, – торопливо добавляет Мариса. – Я не об этом.

– Понятно.

Кейт улыбается, но глаза по-прежнему серьезные.

– Необычное ощущение, в твоем теле растет нечто такое, над чем у тебя нет контроля. Чувствую себя не в своей тарелке.

– Словно оторвалась от самой себя?

Кейт подливает кофе.

– Да, именно так, – соглашается Мариса, удивляясь прозорливости вопроса. Джейк никак не мог понять эту концепцию.

– Должно быть немного страшновато. Это делаешь ты, но в то же время... это не ты? Извини, мне трудно внятно выразить свои мысли.

– Я имею в виду... только не пойми меня неправильно, что мне это нравится, – перебивает Мариса. – Я знаю, что несу новую жизнь в этот мир, а еще вижу, насколько счастлив Джейк.

– Я тоже! – Кейт подается вперед и сжимает руку Марисы. – Это так необычно.

Мариса думает: «Так вот почему с ней так неловко». Потому что у нее нет понятия о личных границах. Постоянно лезет в дела, которые ее вообще не касаются, пытается создать иллюзию близости, которую вообще-то нужно заслужить. В ее попытках сближения чувствуется отчаяние. Но только Мариса не хочет быть ее подружкой.

Она отдергивает руку.

– Спасибо за чай, – благодарит Мариса. – Мне нужно продолжать...

– Да, да, конечно. А мне нужно на работу. Я пока тут приберусь, ты иди.

Кейт собирает кружки и перемещает их в посудомоечную машину. Мариса могла бы поклясться, что видела, как глаза Кейт наполнились слезами. «Я это все не вывожу», – думает Мариса, пока поднимается наверх. Эмоции Кейт – это ее личное дело. Она снова садится за стол, берется за кисть, пытаясь привести мысли в порядок. Делает глубокий вдох и выдыхает на счет «четыре». Но оставшуюся часть дня Марису преследует какая-то тревога, словно притаившаяся в углу кошка. Невозможно игнорировать это ощущение, как бы она ни старалась.

9

Когда Джейк вернулся с работы, она обо всем ему рассказала.

– В общем, Кейт пришла посреди дня, я была у себя, – говорит Мариса, пока он копается в своем портфеле – одной из тех черных деловых сумок, – в котором лежит ноутбук, несколько зарядных устройств, а иногда и спортивная одежда, засунутая в отдельный карман.

– Это мило.

Джейк не особо внимательно ее слушает, поэтому она по большей части ведет разговор с его спиной, ходя за ним, пока он снимает пиджак и слоняется по комнате. Упав на диван, он начинает копаться в своем телефоне.

– На самом деле, это было немного неожиданно. Она полностью лишила меня концентрации.

Джейк смотрит с удивлением.

– Извини, – произносит он, держа в руках телефон с выключенным экраном.

Она ждет какую-нибудь реакцию. Джейк ерзает на своем месте.

– Так не должно быть, – говорит он. – Это твой дом. Ты должна работать без помех. Я поговорю с ней.

– Нет, не надо, – отвечает Мариса. Мне не хочется, чтобы Кейт знала об этом разговоре. – Я, наверное, придаю этому всему слишком большое значение. Это из-за гормонов и прочего... ну, возможно, я немного забываюсь.

– Ага. Ты как себя чувствуешь?

– Хорошо. Все нормально.

Мариса смотрит на свой по-прежнему маленький живот.

– Рад слышать, – говорит Джейк и снова возвращается к своему телефону, и постукивает по экрану.

– Можно вопрос?

– Ага, – рассеянно соглашается он.

– Мне кажется, или Кейт действительно немного... – Мариса пытается подобрать подходящие слова, прекрасно зная о том, насколько Джейк ненавидит сплетни и домыслы. Нужно тщательно сформулировать мысль. – Навязчивая?

Джейк кидает телефон на диван, и внимательно, скрестив на груди руки, смотрит на Марису. Над переносицей появляется морщинка. Он медлит с ответом.

– Почему ты так решила?

У него отстраненный голос, и Мариса сразу понимает свою ошибку. Однажды она спросила Джейка о том, что ему больше всего не нравится в работе, и он моментально ответил: «Офисные сплетни». Тогда в голове Марисы появилась мысленная галочка с напоминанием: никогда и ничего такого не говорить.

– Она что-то такое сказала, – объясняет Мариса, пытаясь говорить спокойно. – Она словно пыталась залезть мне в голову, постоянно задавала вопросы о беременности, и это просто...

– Да? – резко спрашивает он.

– Я, возможно, все неправильно поняла.

Мариса замолкает.

– Да, наверное, – начинает Джейк. – Как ты и сказала, это гормоны сводят с ума.

«Я сказала вовсе не это», – думает Мариса, но все равно согласно кивает. Рот Джейка вытягивается в прямую линию.

– Если бы ты дала ей шанс, я уверен, ты бы поняла, что Кейт действительно милый человек. Она беспокоится за тебя. Мы оба беспокоимся.

Случайное «мы» режет слух.

– Что значит «мы»?

Где-то в районе солнечного сплетения вспыхивает неудержимая ярость.

– Это не ускользнуло от нашего внимания, – говорит он. Язык Джейка становится формальным, если он расстроен или зол. – Что ты ведешь себя немного... – Он замолкает, смотрит на Марису, и его плечи смягчаются. Он подходит и похлопывает ее по плечу.

– Иррационально? – спрашивает она.

– Нет, не иррационально.

– Но ты только что сказал.

Он смеется, а потом делает шаг назад.

– Нет. Я сказал *не* иррационально, – повторяет он с ударением на *не*, – но, может быть, немного... странно. И поэтому мы волнуемся. За тебя и за ребенка.

Мариса напрягается.

– Я в полном порядке.

– Вчера, – продолжает Джейк, словно совсем ее не слышит, – я зашел на кухню, а на плите стояла кастрюля с молоком, которое уже лилось через край.

– Что?

– Кастрюля молока...

– Нет, я тебя слышала, просто я не пью молоко, так зачем мне его кипятить?

Это правда. Она добавляет в мюсли вкусное миндальное молоко. Только Кейт покупает в магазине полуобезжиренное молоко.

– Ладно, но ни Кейт, ни я, никто из нас не кипятил молоко, так что...

– Значит, это была я? – пронзительно вскрикивает Мариса.

– Я не хочу тебя расстраивать, – произносит Джейк, вытянув вперед руку так, словно пытается успокоить дикое животное. – Но это не единственное происшествие, верно?

Он смотрит на нее.

– Помнишь ту историю с музыкой?

На прошлых выходных Мариса пыталась поработать. Но не могла сосредоточиться из-за доносившейся снизу музыки. Закрывает дверь, хлопнула окно и даже вставила в уши кусочки бумаги – импровизированные беруши, но музыка все равно была оглушительно громкой. Гитарный визг и глухие удары, от которых, казалось, вибрировал пол. Как только терпение лопнуло, Мариса спустилась вниз и застала в гостиной Джейка вместе с Кейт. Он прислонился к каминной полке и смеялся над тем, что только что сказала соседка, причем та стояла очень близко к Джейку, их головы почти соприкасались.

– Ты помнишь это? – Кейт пыталась перекричать музыку. – Чертова классика.

Джейк в такт кивал.

– Да, – согласился он. – Обожаю.

Мариса очень удивилась, ведь Джейк почти никогда не слушал музыку. Для занятий спортом всегда выбирал подкасты и радиостанцию «Файв Лив». Складывалось впечатление, что Джейк пытается казаться крутым и красуется перед Кейт, но это выглядело действительно жалко. Но все же Кейт, прыгавшая по комнате, словно на каком-то концерте, вывела ее из себя гораздо сильнее.

– Ребята, – тихо произнесла Мариса, адресовав реплику Джейку, но он не расслышал. – ПРИВЕТ! – крикнула она.

Кейт резко остановилась. На ней балетки леопардового цвета, джинсы-скинни и футболка с надписью «Пока, любимый».

– Ой, привет, – поздоровалась раскрасневшаяся Кейт.

Джейк спокойно улыбнулся Марисе, стоявшей в дверном проеме.

– Не могли бы вы сделать музыку потише? Я пытаюсь работать.

На нее смотрели две пары непонимающих глаз.

– Музыка? – переспросила Кейт.

– Да. – Мариса многозначительно взглянула на Джейка, чтобы он все понял.

– На самом деле, она не такая уж и громкая, – запротестовала Кейт.

Мариса ахнула. Да как она смеет?

– Музыка настолько громкая, что мне пришлось вставить ушные затычки.

– У-у-у-у-у-у-у, – Джейк специально растягивал гласную. – Извини.

Он подошел к колонке и выключил музыку.

– Спасибо, – сказала Мариса.

Кейт по-прежнему стояла посередине комнаты и испуганно смотрела на Марису.

Когда Мариса вышла, прикрыв за собой дверь, она встала у двери и прислушалась. Ничего не слышно. Но как только дошла до лестницы, из комнаты донеслись приглушенный смех Кейт и шиканье Джейка. Снова заиграла музыка, но чуть потише.

– Помнишь? – спрашивает сейчас Джейк. – Как ты спустилась вниз и попросила ее выключить?

– Конечно.

Джейк поднимает брови, а все недоуменное выражение лица говорит о том, будто он старается – действительно, искренне *старается* сочувствовать этому капризу беременной женщины. Глаза такие голубые и невинные, что все происходящее кажется нереальным.

– Это было неправильно, не так ли?

Мариса хочет послать его нахрен. Но вместо этого отворачивается, молча сдерживая свою ярость.

– Прости, – примирительно говорит Джейк. – Возможно, это было неправильно.

– Да, – отвечает Мариса, застыв от возмущения. – Да, так все и было.

Джейк вздыхает, и именно это – протяжный выдох, призванный подчеркнуть его великодушное терпение – именно он окончательно выводит ее из себя.

– Почему ты на ее стороне, а не на моей? Это несправедливо! Я же сказала тебе: я не кипятила молоко. А музыка была чертовски громкой.

– Не была.

– Была!

Мариса понимает, что уже перешла черту, но уже не может остановиться. Горло сжимается и на мгновение кажется, что ее вот-вот вырвет на безупречный бежевый керамогранит.

– Вы сговорились против меня!

– Вовсе нет.

Он так спокоен. Это бесит. Джейк протягивает руку, чтобы коснуться ее рукава.

– Извини, – говорит он. – Я не хочу, чтобы ты думала, будто мы сговорились. Это ужасно.

Мы будем более внимательны.

– Перестань говорить «мы». Вы не мои родители.

Он смеется.

– Это точно не мы.

Глаза снова добрые, в уголках морщинки.

– Пока ты в порядке и у тебя есть все необходимое... – продолжает Джейк. – Мне трудно понять, каково это – быть беременной. Я просто безнадежный парень, если уж на то пошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.